

LUIGI PIRANDELLO
ЛУИДЖИ ПИРАНДЕЛЛО

КОГДА ТЫ СТАЛ
ЗНАМЕНИТОСТЬЮ
QUANDO SI E' QUALCUNO

Комедия в 3-х действиях

(1 9 3 3)

Перевод с итальянского языка ПОПОВА Валерия
Traduttore: Valerio Popov, Mosca, Russia

(Тел: 007-495-631-38-67, E-mail: mariapop@mail.ru)

Traduzione in russo

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

***, (Знаменитость) В тексте пьесы все его фразы помечены значком ***

ДЖОВАННА, его жена

ТИТО, сын

ВАЛЕНТИНА, дочь

Его Превосходительство **ДЖАФФРЕДИ**, друг семейства

МОДОНИ, издатель

ЧЕЗАРЕ, камердинер

ПЬЕТРО, племянник, живущий в Америке

НАТАША, его жена

ВЕРОЧЧА, сестра Наташи

ШЕЛЬЦИ, критик

ДИАНА, молодая писательница

САРКОЛИ и два других делагианца

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ

ПРОДАВЕЦ ПЛАСТИНОК из Студии Записи

КОМИССАР ПОЛИЦИИ

МАТЬ-НАСТАВНИЦА

КАРЛО, камердинер Пьетро

ДВЕ МОНАШКИ, ДЕВУШКИ, и РЕБЯТА из монашеского колледжа

ФОТОГРАФЫ, ПРИГЛАШЕННЫЕ

ДВА СЛУЧАЙНЫХ КАМЕРДИНЕРА

Д Е Й С Т В И Е П Е Р В О Е

К а р т и н а № 1

*Издательский кабинет Пьетро, который занимается издательским делом ради собственного удовольствия. Это светлая комната, с минимум мебели (разбираемой и переносимой без особых усилий). На стене, находящейся в глубине сцены, висит красочно иллюстрированный плакат огромных размеров – продукт рекламы только что изданной в Америке книги стихов “Балкон с окнами” поэта Делаго. По обеим сторонам этого плаката висят два портрета увеличенных размеров, с лицами, смотрящими в противоположные стороны. Справа – портрет ***, на котором он изображен со своим обычным выражением лица, разошедшимся уже в тысячах экземплярах книг и различных печатных изданий.*

*Слева – портрет никому еще неизвестного поэта Делаго, красивого молодого человека, лет двадцати, который может отдаленно напоминать юношеский портрет ***, незнакомый большой публике и измененный до неузнаваемости. Вместо правой стены устанавливается перегородка в полвысоты сцены, с матовыми стеклами, не достигающая конца сцены, и, отделяющая кабинет директора от той части помещения, (невидимой), которая предназначается для служащих, секретаря, машинисток, отсутствующих в данный момент, поскольку действие протекает в воскресенье.*

Вдоль левой стены помещаются диван, два кресла. Здесь же располагается и главный вход.

В центре сцены стоит письменный стол Пьетро. Перед этим столом имеется окно, принадлежащее четвертой стене, существующей только в нашем воображении.

К а р т и н а № 2

В этой картине четвертая стена в некоторый момент действия появляется на сцене; то есть сверху на сцену опустится часть наружной стены виллы с двумя рядами окон; это делается, чтобы дать возможность зрителям ощутить резкое изменение перспективы. Окно кабинета, из которого высунется на мгновение Верочча, будет находиться не на первом этаже, а на втором, и немного сбоку. Для достижения этого эффекта и выполнения его с соответствующей быстротой, достаточно будет поместить за опустившейся картиной, удобную стремянку, высотой не более двух метров, которая тотчас же будет задействована, причем, актриса поднимется по ней и высунется из окна по пояс.

К а р т и н а № 3

Великолепный холл виллы, с лестницей в глубине сцены, хорошо просматриваемой, и идущей на верхние этажи. Вход (воображаемый) – находится перед сценой, в зоне авансцены, то есть под двумя рядами окон, выполненных во внешней стене виллы.

4.-

Дорогая, но немногочисленная мебель современного стиля, расставленная в холле, дает ощущение места временного проживания иностранцев, оборудовавших помещение на скорую руку. (Эта третья картина подготавливается заранее, вслед за первой, поскольку смена трех картин на глазах у зрителей должна протекать как можно быстро).

*При поднятии занавеса на сцене находятся Пьетро и Наташа. Пьетро собирается что-то писать, а Наташа что-то вышивает, сидя на диване. Пьетро, мужчина лет под тридцать – с большущей копной волос на голове и с бородкой – с прической в стиле “а ля Де Мюссе” – краснощекий и веснучатый – вступает в разговор с жаром, но затем неожиданно смолкает, словно чего-то ожидая или подозревая. При этом, глаза у него начинают бегать по сторонам. Но стоит только Наташе поднять на него глаза, как он тут же подбегает к ней, целует ее и успокаивается. Поскольку Наташа являет собой само спокойствие. Страсти, кипящие в ее головке, можно уловить разве что только в ее вышивке, в которой никто ничего не смыслит. Но она находит в этом занятии себе отдушину, не забывая, при этом, оставаться мудрой молодой женой и удивительно сердечной сестричкой. Следует пауза. Неожиданно за перегородкой с матовыми стеклами раздается крик ***, у которого Верочча намеренно, предательски, состригла клоч волос с головы. Вся первая картина протекает то по ту, то по эту сторону перегородки.*

***** Не может быть! Да ты никак с ума сошла! Что ты наделала?**

ВЕРОЧЧА: *(Вся огонь и возбужденная).* Постой, а теперь надо будет состричь немного отсюда!

***** (Взрывается не на шутку).** Что ты говоришь?! А ну, убери прочь свои ножницы!

ВЕРОЧЧА: *(Как выше),* Нет, нет! Давай, сострижем еще!

******* Верочча, хватит, я прошу тебя, ты только полюбуйся: ты мне вырезала здесь целый клоч волос!

ВЕРОЧЧА: А теперь надо будет сделать то же самое и с другой стороны! Позволь мне сделать это!

НАТАША: *(Встает с дивана, чтобы взглянуть на то, что там происходит).* Что это у вас там?! О, боже, она состригла с его головы кучу волос!

ПЬЕТРО: *(Встает в свою очередь, чтобы посмотреть на происходящее).* Молодец, Верочча! Bravo! Срежь-ка ты их ему еще!

***** (По-прежнему находится за перегородкой).** Нет! Не надо! Хватит! Баста!

ПЬЕТРО: Извини меня, но не можешь же ты теперь оставаться таким, каким ты есть! А ну, опусти немного руки и покажись мне, как следует!

******* И надобно же этому случиться именно сейчас, когда должны прийти ко мне...- ты отдаешь себе отчет в том, что ты наделала?!

ВЕРОЧЧА: Я нарочно решила изменить тебя до неузнаваемости! Именно из-за этой публички, которая должна прийти за тобой!

НАТАША: *(Кричит, с чувством сожаления за то, что здесь случилось).* О, боже, Верочча! А ну, прекращай с этими ножницами! Эти шутки до хорошего не доведут!

ПЬЕТРО: Нет, нет! А ну, покажи-ка ему, Веручча, как следует! Срежь-ка ему всю его шевелюру!

ВЕРОЧЧА: Теперь, волей-неволей, нужно будет подстричь его и с этой стороны!

5.-

***** Я это знаю! И пусть это будет, хоть кто, но только не ты! Позволь это сделать мне самому!**

ВЕРОЧЧА: *(Топает решительно ножкой).* Нет! Это сделаю тебе я! Я!

НАТАША: *(Направляется за перегородку и силой уводит сопротивляющуюся Вероччу за собой).* Послушай, Верочча, хватит! Оставь его в покое! Уходи отсюда!

ВЕРОЧЧА: *(Ей никак не дашь более двадцати лет. У нее волосы красного цвета, прямой, аккуратный носик, сверкающие глаза. Она находится в крайне возбужденном состоянии и, увлакиваемая Наташей, появляется на сцене, по-прежнему держа ножницы в руках).*

Я собираюсь не только отрезать ему волосы, ты можешь это, наконец, понять? Я хочу его, наконец, вырвать из той среды, в которой он обитает, и сделать все, чтобы он меньше всего зависел в этой жизни от этой своей головы -

ПЬЕТРО: - уже давно ставшей предметом общественного достояния! Такой драгоценной. *(Указывает на портрет).*

НАТАША: Вот-вот должна подойти его жена! Да, вы никак с ума сошли! Ведете себя совсем, как дети...

ВЕРОЧЧА: Именно поэтому! Именно поэтому! Нужно сделать все, что в наших силах, чтобы помешать им увести его отсюда!

***** (За перегородкой, взволнованный).** Пьетро, пожалуйста, принеси мне ножницы!

ПЬЕТРО: Верочча, дай мне ножницы! Прошу тебя!

ВЕРОЧЧА: И не подумаю! Он может воспользоваться ими и тут же привести себя в порядок! Эту работу я должна выполнить собственноручно!

******* Теперь уже сам бог велел, чтобы ты мне их подправила! Ты, что, и в самом деле хочешь, чтобы я предстал перед ними в таком виде?! Здесь нет даже зеркала!

ВЕРОЧЧА: Я этому страшна рада! *(Взбирается на стул, чтобы посмотреть, чем занимается за перегородкой ***).*

Ха-ха! *(Смеется).* Он пытается разглядеть свое отражение в стеклах шкафов.

НАТАША: Пьетро, отнеси ему какое-нибудь зеркало! Ты же, Верочча, верни нам немедленно ножницы!

ВЕРОЧЧА: *(Спрыгивает со стула и обращается к Пьетро, который направляется к Наташе, чтобы поцеловать ее, перед тем как исполнить ее приказ).*

И не подумаю! А тебе, Пьетро, советую не рисковать! Bravo! Bravo! Лучше поцелуй лишний раз Наташу! *(После чего снова принимает спокойное состояние, хотя по-прежнему и не расстаётся с ножницами).*

Не бойся, позволь это сделать мне: я тебе их подправлю мигом!

***** Нет! Только не ты!**

ВЕРОЧЧА: Сразу вздохнешь свободно! Заработают мозги! Да и шея станет легче! *(Исчезает за перегородкой).*

******* Только аккуратно, прошу тебя, бога ради!

ВЕРОЧЧА: А я прошу тебя бога ради только об одном: помочь мне изменить тебя так, чтобы они тебя больше не узнали! До каких еще пор Делаго будет скрываться под твоим лицом! У меня просто больше нет сил! – Так – Не двигайся – Сейчас подправим над этим ухом!

***** Осторожней!**

ВЕРОЧЧА: Можно и осторожнее, - подожди немного – еще чуть-чуть – готово.
- Петро, взгляни, пожалуйста, разве не похож он теперь на совершенно другого человека!?

6.-

ПЬЕТРО: Чтобы быть похожим на Делаго, он должен выглядеть, как минимум, на двадцать пять лет моложе!

ВЕРОЧЧА: Это не правда! И так тоже годится!

*** *(Тонем страстно влюбленного мужчины)*. Ответь мне, пожалуйста: почему богу было угодно сотворить тебя такой красивой?!

ВЕРОЧЧА: *(Рассерженно)*. А ну, тут же прекрати пожирать меня своим глазами подобным образом, или я их тебе мигом выцарапаю! *(Топает гневно ножкой)*.

И прекрати улыбаться мне этой глупой улыбкой!

НАТАША: Верочча, хватит! Ты его совсем замучила!

ВЕРОЧЧА: *(Бросает на пол ножницы)*. Я могу ему только посочувствовать! Только посочувствовать!

ПЬЕТРО: Схожу ему за зеркалом! *(Прежде чем удалиться, наклоняется и целует Наташу)*.

ВЕРОЧЧА: *(Появляется из-за перегородки и захватывает Пьетро врасплох)*. Вам еще не надоело целоваться по каждому поводу! – Что я должна сделать такого, чтобы расшевелить его, очистить его тело от этого жуткого нароста?! Он чем-то напоминает мне нашего пса Боба, Боба, который тут же начинает прятаться под кроватью, как только увидит, что его собираются стричь.

*** О, если бы я только мог куда-нибудь скрыться, на самом деле, и, чтобы меня больше никто никогда не смог увидеть!

ПЬЕТРО: *(Возвращается с зеркалом в руках и направляется за перегородку)*.

Вот зеркало: держи и погляди на себя!

*** О, боже, какой ужас! – Обкромсать так! Как такое можно было сделать! А, ну, дай-ка мне сюда тотчас же ножницы!

ВЕРОЧЧА: *(Обращаясь к Наташе)*. Ты слышала, он хотел бы куда-нибудь скрыться?! Как бы не так! Ничего у него не получится! Пьетро, подбери немного волос с пола и посмотри, как можно будет их ему приделать на висках! Смешно пенять на волосы, когда тебе не хватает элементарного мужества!

*** Смешно! Вот именно - смешно! Так обкорнать меня! *(Обращается к Пьетро)*. В таком виде я больше не смогу показаться на людях!

ПЬЕТРО: Это вовсе не так, подожди немного: надо будет только их чуть-чуть подрезать сзади. Ясно, что, так, как ты выглядишь сейчас, показываться на людях - абсолютно исключено!

НАТАША: Пьетро, тебе лучше позвать Карло. Сам ты с этим не справишься.

ПЬЕТРО: Верно! Мы спасены: Карло работал в свое время парикмахером!

Позвони, позвони в колокольчик, Наташа! *(Наташа звонит в колокольчик)*.

ВЕРОЧЧА: *(Обращается к Пьетро)*. Это еще зачем?! Не лучше ли было бы просто сбегать к парикмахеру в город с клочком волос и иллюстрированной открыткой этого выдающегося человека! Может быть, он смог бы ему срочно изготовить парик, еще до того, как прибудет сюда его жена с детьми, и вся эта свита -

(Слышится стук в дверь).

НАТАША: Войдите.

ВЕРОЧЧА: - для того, чтобы вознести его на трон!

(Входит Карло).

Карло: Вы звонили?

ПЬЕТРО: *(За перегородкой)*. Карло, иди сюда! Ты нам нужен!

ВЕРОЧЧА: Наташа, у меня появилась одна идея! О, если бы ее только можно было осуществить!

НАТАША: Что еще там тебе влетело в голову? Прекращай!

7.-

ВЕРОЧЧА: Нет, нет! Выслушай меня! Прошу тебя!

*** *(Кричит за перегородкой)*. Нет, только не это! Зачем тут еще бритва понадобилась?! Зачем?!

КАРЛО: Простите, но взгляните сюда; у вас здесь выстрижен целый клочок волос... Почти до самых корней. Бритва нужна, чтобы подравнять...

*** Но, кто тебе сказал, что их надо обязательно подравнивать! Достаточно будет их только подправить... Причем, чуть-чуть... Немного сзади и здесь, с этой стороны...

ВЕРОЧЧА: *(Полностью охваченная своей идеей, словно она видит ее наяву)*.

Берется парик, восковая маска - восковые руки – и делается из всего этого кукла – после чего её наряжают – и сверху на парик натягивается его роскошная шляпа, сшитая на манер мушкетерской. И вот ОН уже готов – чучело, набитое соломой. Им остается только прийти сюда и увести его отсюда! – Тем более, что им от него больше ничего и не нужно, учитывая то, до какого состояния они его довели!

*** *(За перегородкой, резко реагирует на слова, сказанные Вероччей)*. Ты думаешь, я об этом ничего не знаю?

КАРЛО: Ради бога, не двигайтесь! Если вы и дальше будете крутиться подобным образом!...

*** Всё! Хватит! Вы мне уже подрезали немного сзади?

КАРЛО: Да! Только подождите еще немножко, пожалуйста!

*** Не имеет значения! Хватит и так! Вот увидите, как только они придут за мной, все волосы сами тут же поднимутся у меня на голове, в том числе вместе с теми волосами, что сейчас так красиво уложены за моими ушами.

Выходит из-за перегородки. Ему где-то под пятьдесят лет. Но с подстриженной головой и в летней майке, он выглядит энергичным и экстравагантным и производит впечатление почти молодого человека, подвижного и свободного от каких-либо предрассудков.

Я согласен с тем, что я самое настоящее чучело! Я тоже уже об этом думал, Верочча!

ВЕРОЧЧА: *(Торжествующая)*. Нет, ты только взгляни на него! Взгляни на него, Наташа! Разве, он не стал совершенно другим? Совсем помолодевшим! – Так, так, я хочу, чтобы твои глаза наполнились смехом!

КАРЛО: Я вам больше не нужен?

*** Нет, спасибо.

ПЬЕТРО: Да это же Делаго, вылитый! Просто не нахожу слов: Делаго!

*** Как же, как же! Вот только почему-то у этого Делаго на спине волосы совсем другого...

НАТАША: Такое ощущение, что он помолодел сразу на двадцать лет!

*** Я – да, но не Делаго! *(Обращается к Верочче)*.

Ну, ладно, коль ты хочешь так: то перед тобой - Делаго... - *(Продолжает свою речь)*. Именно он, Верочча. Но, если бы ты только знала, сколько раз, ночами, в моем кабинете – находясь в гнетущем состоянии – я ощущал себя всего лишь марионеткой. Усаженной за письменный стол, освещаемый настольной лампой.

В парике. С восковым лицом и руками. Со стеклянными глазами. Без единого движения. И я не находил больше слов, словно вылупившийся на свет из этой неживой плоти. И, как мне хотелось сбежать оттуда и примчаться сюда бегом к тебе, а затем убежать – убежать, куда глаза глядят – кануть в вечность!

8.-

ПЬЕТРО: Да, да – уехать нам всем, вчетвером – это было бы здорово!

ВЕРОЧЧА: *(Хлопает в ладоши)*. Так уедем же! Уедем!

ПЬЕТРО: Я уже сыт по горло этой авантюрой!

НАТАША: Да! Да! Вернемся все в Америку, вместе с ним!

ВЕРОЧЧА: А лепить-то я умею! Восковую маску и руки тебе я сделаю лично. Уже представляю себе, как ты будешь выглядеть у меня!

ПЬЕТРО: Боюсь, что потом я смогу даже перепутать тебя, мой дорогой дядя, с твоим братом!

ВЕРОЧЧА: Прошу не отклоняться от темы, Пьетро!

ПЬЕТРО: Нет, ты посмотри, Наташа, разве он не похож на моего отца!

НАТАША: Похож. На самом деле!

ПЬЕТРО: Ни дать, ни взять, та же самая голова – я неожиданно это открыл для себя, после того, как у него исчезли здесь волосы *(показывает на виски)*.

(Обращается к Верочче). А тебе тоже это не кажется?

ВЕРОЧЧА: С чего ты взял, что он похож на Андреа? Совсем наоборот!

*** Ха-ха, ты его зовешь Андреа?

ПЬЕТРО: Да, да, Андреа, Андреа. И его тоже она зовет подобным образом. Это у нее уже вошло в привычку. Всех стариков она зовет по имени, словно каких-нибудь ребят.

ВЕРОЧЧА: Но, простите, о каких стариках вы ведете речь! Нет, никаких стариков!

Просто, некоторые думают, что они старики! Мы все как наша матушка земля – молоды и полны всяких капризов.

*** Все выгладим на восемнадцать лет... *(Проводит рукой по волосам)*.

Его голова... всего на два года моложе моей... Как только он настаивал на том, чтобы я ехал вместе с ним! Это было тогда с его стороны *вполне осознанным* бегством...

ВЕРОЧЧА: О твоём же нынешнем бегстве можно сказать, что ты, если и предпримешь его, то всего лишь так, ради забавы! Я это вижу! Ты не тянешь на героя! Не тянешь!

*** Мне просто тогда было жалко наших стариков, которые бы в таком случае остались совершенно одни...

ВЕРОЧЧА: Вот, пожалуйста! Уже тогда тебе нельзя было отказать в величии и сострадании! Но сейчас, знаешь, хватит! Ты доставишь мне огромное удовольствие, если ты набьешь этими достоинствами свое чучело; но Делаго не нуждается в такой начинке и должен быть безжалостным!

*** Если бы я тогда уехал с ним...

ПЬЕТРО: Ты бы тоже стал богатым!

*** О, нет, я не это имел в виду...

ПЬЕТРО: Стал бы компаньоном моего отца – и не менее богатым, чем я!

*** И одновременно НИКЕМ – ты это понимаешь? – никем – одним из толпы – без того особого внимания со стороны людей, которое не дает тебе больше жить!

ВЕРОЧЧА: Хватит прибедняться, как будто вам, великим людям, всего этого не достает!

*** Чего?

ПЬЕТРО: Всеобщего внимания и обожания!

9.-

*** Спасибо! Ты говоришь так, как будто мне после всего этого и жить-то больше не надо! Попробуй-ка сам стать знаменитостью и пожить, при этом, еще, хоть немного!

ПЬЕТРО: Могу тебя заверить, что если бы я стал знаменитым...

*** Хотел бы я видеть тебя в этой роли! Со всеми этими фотообъективами, направленными на тебя со всех сторон. А сколько глаз одновременно устремлено на тебя! Как можно упустить такой случай – ведь проходит великий человек! Все не спускают с тебя глаз – буквально застыв на своих местах - и ты под их взглядами, в свою очередь, застываешь на месте – прекрасно осознавая то, что ты для них никто иной, как “знаменитость” – СТАТУЯ. Ты меня понимаешь? И это происходит в тот момент, когда ты думаешь совершенно об ином и хочешь предаться хотя бы на миг своим мыслям и чувствам! Тебе бы измениться в лице – скорчиться от боли, если кошки скребут на сердце. Черт подери, неужели ты не вправе чувствовать себя, по крайней мере, в тот момент, всего лишь простым смертным?! Нет – тебе отказано в таком праве! – ты не можешь быть просто простым смертным – ты великий человек. И ты приказываешь себе: ”Держись, не расслабляйся, не позволяй своему лицу жить эмоциями! И не забывай, что на тебя все глядят!” - А знаешь, что приключилось со мной месяц тому назад, несколькими днями раньше того, как вы пригласили меня к себе на виллу, отдохнуть немного - (нет, ты послушай, послушай эту историю!) – Я вышел из дому весь разгневанный и пробродил весь день, черт знает где, за городом. Вечером, проголодавшись, я зашел перекусить в первую попавшуюся на моем пути остерию. Но, будучи поглощенным своими проблемами, я совершенно забыл – могу тебе поклясться в этом – кем “я” являюсь. Настолько, что в какой-то момент, я потерял над собою контроль, поскольку меня раздражало то, что, при каждом поднятии моей головы над тарелкой, я постоянно встречался с глазами двух молодых людей, которые все время смотрели в мою сторону и смеялись. Я вскочил на ноги и принялся кричать что, если они тотчас же не прекратят вести подобным образом, я запущу в них бутылкой. И, на самом деле, я схватил бутылку со стола и замахнулся ею в их сторону.

ПЬЕТРО: (*Смеется*). Ну, и ну! Надо же случиться такому! И, что они?!

*** Тебе смешно? - Я же увидел, как они тут же ретировались за стол. А на следующее утро они мне написали мне письмо, в котором приносили мне свои извинения. Они так уставились на меня своими глазами, лишь только потому что никак не могли понять, каким это образом я мог очутиться в их захудалой остерии. И узнав меня, они созерцали меня без должного на то почтения.

ПЬЕТРО: Разве тебе мало этого!?

*** Как же, как же! Особенно, если занести мне в актив, то особое внимание, каким меня одарила та пара дурней, и то удовлетворение, которое я теперь могу испытывать оттого, что я больше не могу спрятаться от посторонних глаз даже в обычной остерии! Но, какое все это имеет значение, если ты страдаешь – *с т р а д а е ш ь* – от своей известности! От своей славы!

ВЕРОЧЧА: (*Решительно, почти гневно*). И отчего страдаешь ты?

*** Вот как?! Ты спрашиваешь меня, отчего я страдаю? Меня удивляет, что это спрашиваешь именно ты? Если я лишен возможности, без того, чтобы не вызвать вселенского скандала, сделать то, что все другие могут сделать просто так - чтобы жить – чтобы жить – чтобы дышать!

10.-

НАТАША: *(безмятежная и по-прежнему занятая вышивкой)*. Все говорит за то, что ты на такой скандал обязательно нарвешься!

ПЬЕТРО: Точно! Он наверняка нарвется на скандал! – Тем более, что здесь все становится скандалом! – Верочча тебя любит? - Это уже скандал! – Ты также должен знать, что ни я, ни Наташа, мы никогда не приехали бы сюда из Америки, если бы у нас не было этой цели познакомиться с моим известнейшим дядюшкой!

*** Верно! Из которого мы теперь все вместе собираемся сделать чучело. С тем, чтобы его можно было поместить в моем кабинете к услугам тех, кто в ней нуждается – за письменным столом – Это так, Верочча?

ВЕРОЧЧА: *(Выглядит так, словно ее неожиданно озарила одна идея)*. Я думаю сейчас над одной проблемой, которую нам следует решить каким-то образом. Надо сделать это чучело говорящим.

*** Нет ничего проще, дорогая! Не беспокойся! Достаточно будет только вспороть его сзади и вставить ему в живот граммофон.

ВЕРОЧЧА: Точно, превосходно! Именно так – с комплектом граммофонных пластинок, чтобы можно было менять их!

*** С уже готовыми записями для посетителей –

ПЬЕТРО: - и для интервьюеров –

*** Все это – уже запрограммировано – мне только остается повторять определенный набор слов всю оставшуюся жизнь. И не потому, что это сказал я; а потому, что это меня заставили сделать другие! Мне приходится говорить такое, что самому никогда и не пришло бы в голову.

ПЬЕТРО: У тебя этих пластинок, наверно, уже пруд не пруди...

*** Да, хватает. И, как я уже тебе сказал, все уже запрограммировано. Поэтому я теперь не должен думать о чем-то другом - представлять себе что-то другое – или слышать. – Каково, а?! Что я думал – то думал (по их мнению) и баста! Запрещается представлять меня в ином ракурсе. – Я выразил то, что чувствовал – и точка – должен довольствоваться тем чего достиг – не могу уже быть другим - горе мне, если я попытаюсь их послушаться, – они тут же перестанут меня признавать – Мне четко предписано - не отклоняться ни при каких обстоятельствах в сторону от уготовленной мне роли. Находиться там - в застывшем состоянии, до конца дней своих!

ПЬЕТРО: То есть мертвым!

*** Если бы только мертвым! Злая шутка заключается в том, что физически я по-прежнему живой! Подобное, разве что, можно проделывать только с мертвыми – Но этого нельзя делать даже с мертвыми! Даже с мертвыми! Поскольку даже те, кто уже давно ушли из жизни – встретились – надо сказать - счастливы! – разок-другой с историей и затем остаток жизни доживали свободными, в забвении! - От них сейчас требуется только откликнуться на зов и представиться пунктуально к какой-либо дате, чтобы засвидетельствовать авторство вполне определенного события. Например, 12 апреля 1426 года – или 15 октября 1571 года - При этом, о них

известно только, откуда они родом - чем они занимались до этой даты. Что было с ними потом, если при свершении этого события они не умерли – никто об этом ничего не знает! Но даже, если они и умерли в тот памятный день – может в один прекрасный день появиться такой человек, который прольет дополнительный свет

11.-

на их деятельность, обнаружив, какой-нибудь, неизвестный до этого документ – даст новую интерпретацию их роли в истории – предоставит возможность взглянуть на них под иным углом зрения; скажет - о них новое слово – вернет к ним интерес в обществе, раскрыв новые грани их творчества.

ПЬЕТРО: *(Возбужденно, с жаром).* Но, позволь! Извини меня! Но, разве, я не проделал то же самое с тобой! Да, ты, я вижу, неблагодарный!

*** Ха! Ты считаешь, что ты это сделал? Только потому, что тебе пришла идея издать мои стихи под именем Делаго!

ПЬЕТРО: Прости меня, но разве и тебе тоже не пришла та же самая идея?!

(Показывает на красочно иллюстрированный плакат).

Вот, полюбуйся собою – стал совершенно другим – стал Делаго - причем, никто об этом даже не догадывается – Делаго; новый идол, символ на знамени всей нашей нынешней молодежи!

*** Верно, Делаго, верно – Стал Делаго... - Но, ни этот Делаго, ни ты и никто иной не в состоянии поменять меня. Я, слава богу, ещё жив и продолжаю мыслить и чувствовать! *(Подходит к Верочке и обхватывает ее личико руками).* Да, да! Это потому что с самого первого момента, когда эти дерзкие глаза встретились с моими; такие провоцирующие и чарующие – у тебя, и такие потухшие, едва тлеющие, у меня - *(дует губами пффф... словно пытаюсь разжечь потухший огонь)* - я прочел в них: “Ты – стар? Кого ты собираешься обманывать? Да ты – сам огонь!” – И, как смеялись в тот миг эти губы – только я один это мог видеть! – Тебе хватило мгновенья – чуть-чуть заглянуть мне в глаза - чтобы понять, что я еще живой. Скажи мне, что это не так! И, если ты смогла пробудить меня от спячки, это значит, что во мне еще были – живы, живы – мысли, чувства, которые я тут же начал выражать по-новому. Находясь, словно в каком-то сне, в который верилось с трудом, и в который я не поверил бы ни за что на свете, если бы не было на свете этой твоей веры в меня – ты поверила в мои мысли и чувства – и теперь именно они составляют весь смысл моей жизни!

(Слышится стук в дверь).

ПЬЕТРО: Кто там? Войдите! *(Входит Карло).*

КАРЛО: К нам пожаловали два синьора и синьорина.

ВЕРОЧЧА: Не может быть! Ведь у нас сегодня воскресенье, верно?!

НАТАША: К тому же мы уже ждем сегодня утром...

ВЕРОЧЧА: Нам лучше было бы побыть без посторонних глаз, коль мы решили обсудить совместный план действий...

ПЬЕТРО: Кто они? И, где они сейчас?

КАРЛО: Они там. *(Показывает рукой назад, в направлении двери).*

*** Я предпочитаю удалиться. *(Собирается вернуться за стеклянную перегородку).*

Таким образом, я....

ПЬЕТРО: Нет, подожди!

В начале просовывает свою голову за дверь, после чего пропускает вперед Шельци, за которым следуют Диана и Сарколи. Все трое – молоды. Шельци является авторитетнейшим критиком современной литературы. Он пузат, головастый, со лбом в форме баула, косоглазый. Поэтому смотрит на людей как-то сбоку,

12.-

поворачивая в их сторону лицо синюшного цвета. Отличается острым и проницательным умом, однако, чтобы напрячься и понять собеседника, это ему стоит огромных сил и физических страданий.

Диана – молодая писательница, авантюрного плана, сотрудничающая в данный момент с Сарколи, являющимся одновременно художником, литератором и карикатуристом.

ШЕЛЬЦИ: Будет вам! Какие синьоры!? Это я, Пьетро. С Дианой и с Сарколи!
ПЬЕТРО: А, это вы... Проходите, Шельци, проходите! Вы – друзья Делаго, а это значит и мои друзья!

ШЕЛЬЦИ: *(Выглядит удивленным и расстроенным, заметив присутствие ***).*
О! Вы тоже здесь, Маэстро! *(Смотрит на своих друзей).*
Стало быть...

ПЬЕТРО: Что значит – стало быть?! Он – мой дядя! Разве ты этого не знаешь?!
И отдыхает он здесь у нас, вот уже дней двадцать.

ШЕЛЬЦИ: Да, но... *(Снова смотрит на своих друзей).* Стало быть, это неправда.

САРКОЛИ: Я бы, со своей стороны, сказал, что это неправдоподобно.

ПЬЕТРО: Что?

ШЕЛЬЦИ: *(Обращается к Сарколи).* У тебя с собой сегодняшней номер газеты?

САРКОЛИ: *(Протягивает газету Шельци)* Да, вот он.

ШЕЛЬЦИ: Надо же нам было прийти именно сюда...

При этих словах Диана буквально прыскает со смеху, не в силах больше сдерживать себя при виде столь экстравагантного, одетого по-летнему Маэстро.

САРКОЛИ: Не заводись, Диана! Прекращай!

ДИАНА: *(Продолжает смеяться, показывая на Маэстро большие жестами, чем, оперируя словами).* Нет, вы только посмотрите на него,... только посмотрите...

САРКОЛИ: Ну, и что? Мы его прекрасно видим...

ПЬЕТРО: Что тут смешного?

ДИАНА: Я это не нарочно... Маэстро, простите, я смеюсь над ними... Как только они здорово просчитались... Собирались увидеть одно... а, наоборот, увидели вас... Извините меня, ради бога, да еще в таком виде... *(Смотрит немного на Маэстро и снова прыскает со смеху).* Ох-ох-ох... ах-ах-ах!

ПЬЕТРО: *(Задетый за живое такой реакцией со стороны Дианы, вскакивает).*
Все, баста!

ВЕРОЧЧА: *(Возмущенно)* К тому же, это уже слишком!

НАТАША: *(Шокированная).* Что все это значит?

ШЕЛЬЦИ: *(Разгневанный, нападает на Диану).* Прекращай немедленно! Смотри мне. А то я заткну тебе рот кляпом!

ДИАНА: *(Умерив свой пыл).* Да, да, баста, баста... Понятно... Но видеть это юношеское перевоплощение... здесь, на отдыхе...

ШЕЛЬЦИ: Что за глупый комментарий, какое еще юношеское перевоплощение!
Я – человек серьезный!

13.-

САРКОЛИ: Простите, но на самом деле, видеть его в столь необычном для него виде... - Не умаляя, при этом, всех заслуг нашего Маэстро...

ПЬЕТРО: Короче, могу ли я узнать, что вас занесло сюда ко мне?

ВЕРОЧЧА: Просто невероятно, как вы могли очутиться здесь?!

ШЕЛЬЦИ: Ничего особенного! Просто, мы хотели удостовериться кое в чем! Меня заверили, что я смогу застать здесь врасплох Делаго, которого ты якобы укрываешь у себя!

ПЬЕТРО: *(Вскакивает на ноги и инстинктивно смотрит на ***).* Делаго?

ВЕРОЧЧА: *(С изумлением).* Хорошенькое, однако же, дело!...

САРКОЛИ: Вот, полюбуйся на сообщение, которое дается под заголовком “Retuor d”Amerique“ (Возвращение из Америки). Оно напечатано в этой газете!

ШЕЛЬЦИ: *(Протягивает Пьетро газету).* Держи! Можешь сам прочитать: здесь черным по белому написано, что он, то есть Делаго, сошел на берег в Генуе.

(Показывает пальцем на сообщение в газете).

Смотри эту новость, среди сообщений о судах, прибывших в Италию из Америки.

ПЬЕТРО: *(Берет газету и начинает просматривать сообщение).*

На корабле “Рома”? Что за чушь! Я об этом и слухом не слыхивал! Кто мог дать подобную новость!

НАТАША: *(Продолжает бесстрастно вышивать).* На “Роме”? Но ты, как раз сегодня утром, получил его письмо, отправленное из Америки, и, доставленное в Италию, кстати, именно на судне “Рома”.

ПЬЕТРО: *(С покрасневшимся лицом, с блаженным видом, полный удивления и восхищения, приглашает Вероччу и дядю взглянуть на Наташу, которая так просто нашла выход из создавшейся ситуации).* Пожалуй, она тут благоразумнее нас всех! Нет, вы только посмотрите на нее! Как она рассудительна! *(Наклоняется к Наташе и целует ее).* Именно сегодня утром, я получил от него письмо. А теперь подумайте, мог ли он приехать сюда!? Да еще на “Роме”, именно на “Роме”!

НАТАША: *(Как выше).* Почтовый штемпель был пробит на конверте... печатными буквами...

САРКОЛИ *(Обращается к Пьетро).* Но в газете есть также заметка. Вот, взгляни: “Поэт Делаго в Италии”. В которой говорится, что он был замечен, что его узнали...

НАТАША: *(Как выше).* Но в таком случае он должен быть здесь, ищите его!

ПЬЕТРО: Как же! Прячется где-то, а я даже ничего не знаю об этом!

ВЕРОЧЧА: *(Смотрит на ***).* Прямо как в детских сканвордах! “Найдите Делаго!”

САРКОЛИ: Вы, наверно, шутите?

ПЬЕТРО: А, чтобы вы хотели услышать от меня, если вам так хочется разыскать его любой ценой и именно здесь!

ШЕЛЬЦИ: И потом! Достаточно только взглянуть на самодовольную улыбку Маэстро...

*** Чтобы понять, что Делаго здесь просто не может быть. Кроме того, я хотел бы знать, почему “самодовольную”?

САРКОЛИ: Вас интересует ответ? Но, разве, вам понравилось бы встретить здесь Делаго, среди молодежи, в кругу его почитателей, да к тому же принятого со всеми почестями?!

ВЕРОЧЧА: Еще как! Более чем понравилось бы, это доставило бы ему огромную радость! Уж поверьте нам – мы это знаем лучше других! Как если бы все эти знаки внимания предназначались ему самому!

14.-

ДИАНА: Очень любезно с вашей стороны!

ПЬЕТРО: Любезно? Вполне закономерно: поскольку заслуга в публикации стихов Делаго принадлежит полностью ему!

*** Нет, нет – это твоя заслуга...

ПЬЕТРО: То, что запустил его я – я согласен. Но совет издать его именно здесь, а не в Америке, исходил от тебя, и здесь мне просто нечего добавить.

*** Но это естественно...

НАТАША: *(Как выше)*. Это сушая правда.

ПЬЕТРО: Я привез из Америки и показал ему вещи, о ценности которых не имел ни малейшего представления...

ВЕРОЧЧА: *(Показывая на ***)* Это его заслуга!

ПЬЕТРО: ... стихи неизвестного, молодого поэта, наших кровей, который сумел сохранить там, за океаном, любовь к нашему языку. Он посоветовал мне опубликовать их, и сумел убедить меня в том, что их публикация в Америке не произвела бы такого сильного резонанса, как их публикация здесь, в Италии.

САРКОЛИ: *(Обращается к ***)*. Стало быть, вы предвидели, что эта публикация зажжет в нас, молодых...

*** ... это пламя? Подобного эффекта, возможно, нет...

САРКОЛИ: Вот именно! Вы не могли этого предвидеть, что мы – молодые – услышим в его стихах, наконец-то, наш голос. Только не подумайте, что я этим хочу сказать, что знай, вы наперед все, как получится на самом деле, вы, может быть, ему этого и не посоветовали! В конце концов, это вполне человечно, что вы не смогли этого предвидеть. И, тем не менее, знаете? Тот факт, что этот голос он, Делаго, нашел для нас там, у себя в Америке, в этом столкновении новых сил, имеет для всех нас глубокий смысл!

ПЬЕТРО: *(Сидит, обхватив одной рукой Вероччу за талию, и, положив другую на плечи Наташи)*. И ты это чувствуешь - даже ни разу до этого не побывав в Америке, а? Тебе достаточно для этого всего лишь нашей компании, состоящей из каких-нибудь трех человек!

САРКОЛИ: Безусловно. Россия, Америка – сейчас все человечество просыпается от спячки! - Но теперь, однако, мало того, чтобы Делаго был достоянием одной только Америки. Надо сделать все возможное, чтобы он очутился среди нас! И именно ты должен привезти его сюда, чего бы это ни стоило!

ШЕЛЬЦИ: Точно! Я думаю, что теперь тебе надо будет убедить Делаго в необходимости такой поездки!

ДИАНА: Нет! Заставить! Заставить его приехать в Италию!

САРКОЛИ: Он больше не должен оставаться вдали от нас! Не имеет на это никакого права! Черт подери, должен же он увидеть собственными глазами тот пожар, который он вызвал в наших сердцах

ДИАНА: Мы его ждем, словно Мессию!

ПЬЕТРО: К сожалению, в этом году он...

ВЕРОЧЧА: Не сможет приехать! Никак!? Зато к нему мы можем поехать сами!
Пошлем все наши дела к чертям и отправимся все вместе к нему за океан!
(Произносит эту фразу и вдевает свою руку под руку ***).

ШЕЛЬЦЕ: И вы тоже, Маэстро?

*** Честно говоря, я не собираюсь отправляться ни к кому...

15.-

ШЕЛЬЦИ: Простите, но как вас надо понимать? Я не столь экзальтирован его личностью, как другие, но то, что Делаго опередил всех, я в этом совершенно убежден. Он настолько ушел далеко вперед, что его теперь никому не догнать из старой гвардии. Это настолько очевидно, что к этому вопросу можно больше и не возвращаться. Поверьте мне! – Во многом я могу не соглашаться с Делаго – я этого и не скрываю: даже – наоборот! – но не сомневаюсь, что он своим талантом превзошел все то, что делалось до него. Достаточно только обратить внимание на “строй” его стихов – Это вам не шуточное дело! Я говорю о “строе”, в музыкальном смысле этого слова. Этот его “строй” – и, следовательно, вся его поэзия – совершенно новое явление, созвучное ритму нового дыхания. (Если бы это было не так, то откуда бы так биться жизни ключом в его стихах!) Не в пример вашему дыханию, уже сбившемуся с ритма и несозвучного эпохе! По-видимому, и вы сами почувствовали, что в его стихах бьется совершенно *д р у г а я* жизнь!?

*** Да, я почувствовал, что эта – эта – жизнь...

ШЕЛЬЦИ: ... со “своим” оригинальным голосом, который превосходит и заставляет смолкнуть любой другой голос. Так что здесь уже все ясно! И с этим уже надо смириться. (Обращается к Пьетро). Как и мы, должны сейчас смириться с тем, что совершили сегодня явно бесполезное путешествие. Должен тебе заметить, что, ты живешь тут ни ближний свет! Сразу видно, что ты прибыл из другого мира.

ВЕРОЧЧА: И мы вернемся туда! Обязательно вернемся туда, откуда прибыли!

ШЕЛЬЦИ: Сколько высокопарных слов! Лучше бы вы убедили Делаго, оставить на время его дела и приехать к нам сюда –

САРКОЛИ: - сказали бы ему, что мы теперь больше не можем жить без него! Ведь, ты нам это обещал! Поэтому-то мы и поверили так легко сообщению о его приезде.

ШЕЛЬЦИ: И тут же бросились сюда – я - чтобы взять у него интервью; а он – чтобы сделать с него зарисовку.

ДИАНА: А я – чтобы впиться в него своими глазами!

САРКОЛИ: Вот мы и примчались сюда первыми. Вот, увидишь, сколько сюда набегит народу еще, кроме нас!

ПЬЕТРО: Только не это, помилуйте! Я вас попрошу сразу же опровергнуть это сообщение!

САРКОЛИ: Не поможет! Столпотворение продлится до завтрашнего дня!

ДИАНА: Все бросятся сюда со всех ног!

ПЬЕТРО: Я тут же распоряжусь повесить объявление у входа на виллу!

ШЕЛЬЦИ: Никто этому не поверит!

САРКОЛИ: Разве что, если ты добавишь в объявлении, что принимаешь сейчас у себя в качестве гостя нашего Маэстро...

*** Точно, тогда все эти молодые люди...

САРКОЛИ: Извините, Маэстро, я не это имел в виду. Я это сказал, потому что мы уже попались на ваш крючок...

*** ... ведь, яснее ясного, что его не может быть на вилле, если здесь уже нахожусь я.

ШЕЛЬЦИ: *(Прощается со всеми).* Синьора... Синьорина... Мое почтение, Маэстро... Пьетро, прощай...

16.-

Прощаются также и остальные. После чего Шельци, Сарколи и Диана удаляются. Пьетро, Верочча и Наташа некоторое время переглядываются между собой. Чувствуется, что они хорошенько позабавились только что прошедшей встречей.

ПЬЕТРО: Хорошенькая история! Интересно, кого это могли принять там, в Генуе, за Делаго?

*** Никак появился ещё один самозванец!

НАТАША: *(Обращаясь к Пьетро).* А это объявление, случайно, не твоих рук дело?

ПЬЕТРО: Моих?! Никак нет! *(Обращаясь к ***, и, пожимая плечами).*

Самозванец... Извини, но в этой атмосфере не представляет труда распространить слух о том, что Делаго собирается приехать из Америки, и, тем более, придумать такое...

*** ... Ещё бы! Насколько мне кажется, вы этим умеете великолепно пользоваться. С особым размахом! Только попрошу вас не слишком манипулировать мною!

ВЕРОЧЧА: Мы?! Тобою?!

*** Да – тем, что я в создавшейся ситуации не могу даже протестовать –

ПЬЕТРО: Протестовать! Ты что хочешь, чтобы все раскрылось? Разве до сих пор мы все не выступали единым фронтом...

ВЕРОЧЧА: *(Взрывается гневом).* Может, ты этот упрек адресуешь и мне – что я пользуюсь тем, что ты не можешь раскрыть свое истинное имя?

*** Нет! Но я попросил бы вас не шутить столь рьяно в моем присутствии!

ВЕРОЧЧА: Чтобы я шутила? Да я уже почти сняла покров с твоей тайны!

*** Вот именно! Вас так и разбирает от удовольствия, которое вы при этом испытываете, и вы даже не замечаете, как подставляете меня под удар. Поскольку вы совершенно уверены, что никому и не придет в голову, что именно я и являюсь Делаго –

ПЬЕТРО: - Надо же сказать такое: вас так и разбирает... -

*** - Да, да, и разбирает до неприличия – я бы сказал даже, что вам лишь бы потешить себя – ваша беспроегрышная позиция делает вас счастливыми от одной только мысли, что вы можете предать меня на моих же глазах, лишит меня моей жизни и дать эту жизнь другому персонажу!

ВЕРОЧЧА: Но, что я могу поделать с собой, если я хочу, чтобы ты был, да, был Делаго, не только для меня, но и для всех! Но это невозможно сделать! Ты это прекрасно знаешь. Поскольку ты хочешь держать все это в тайне! И теперь, когда ты чувствуешь, как это сложно делать, ты начинаешь бурно протестовать!

ПЬЕТРО: Тебе следовало бы также добавить: Как будто тот другой не есть он сам!

*** Нет, это не правда! Ты это говоришь обо мне? Разве ты не видел? «Я» не могу быть им! «Я» не должен быть им!

ВЕРОЧЧА: Это почему ты не должен? Кто тебе мешает прокричать во всеуслышание, что Делаго – это ты!

******* Вот как? Ты что, хочешь, чтобы я это сделал на самом деле? Но ты, разве, ты не понимаешь, что я, таким образом, убью его!

ВЕРОЧЧА: Убьешь кого?

******* Делаго!

ВЕРОЧЧА: Это еще почему?

17.-

******* Да потому что я ни есть какой-нибудь Синьор Никто – я – **ЗНАМЕНИТОСТЬ**. Я тебе уже сказал, кто я есть для всех, и не могу ни при каких обстоятельствах уже быть другим! Если я раскроюсь, прощай вся эта история с Делаго! Он станет всего лишь моей маской, разве ты этого не понимаешь? Маской моей юности, в которую вы вырядили меня ради шутки! - *(Со злостью, страстно)*.

Он не должен быть моей кровинкой, частью моей жизни. Ничто не должно приписываться мне из того, что является моим новым увлечением. И в первую очередь никто не должен знать, что у меня есть ты, Верочча, жизнь моя, молодость моя! Ни в коем случае! Ты должна принадлежать только Делаго! Только ему, а не мне! Ты теперь меня понимаешь?

(Обращается к остальным).

Поэтому я попрошу вас умирить свой пыл и не напоминать мне, при каждом удобном случае, о его существовании, чтобы не вызывать во мне ревность! – Да, да, ревность! Да, еще какую! – Вы отдаете себе отчет в том, что вы проделываете надо мной? Неужели, вы не видите, до чего я дошел? Кончится все тем, что я его возненавижу! Уже достаточно одного того, что мои злопыхатели, противопоставили мне все его творчество! Нас свели лицом к лицу! Он же – сама жизнь! И он убьет меня! Вы, что? Никак сговорились с ними? *Это самое мало, что меня может ожидать в ближайшем будущем. На мне теперь можно поставить большой крест.* – Меня они погребли заживо! Точно, погребли заживо! Это он теперь стал обладателем *нового голоса* – и вынудил меня замолкнуть! Но я просто так не сдамся! И верну себе утраченные позиции! Все до одной! Позвольте только заняться мне этим самому, и вы увидите, если я уже вскоре не восстановлю себя в моих правах! *(Бросает взгляд на присутствующих)*.

Вы сейчас на меня смотрите такими глазами, словно вы их только что обожгли на солнце и ничего не понимаете... Но я вам не скажу, как я это собираюсь сделать. Более того, я вам вообще больше ничего не скажу. Позвольте заняться этим мне одному!

*В этот момент раздаются фанфары, похожие на звуки трубы. Заслышав их, *** сразу же бледнеет. Остальные удивленно смотрят друг на друга.*

А вот и они. Они приехали, чтобы забрать меня отсюда.

ВЕРОЧЧА: Это что, звуки автомобиля? Ну, и звук!

ПЬЕТРО: Странно! Мне показалось, что раздался звук трубы.

******* *(С горькой иронией, неподвижный, с застывшими глазами)*. Могу поспорить с вами. Это пожаловала к нам сюда сама слава. Как еще ей можно заявить о себе?!

Она парит на крыльях над грудью моей жены, и в качестве фанфар признает только звуки трубы.

ПЬЕТРО: Ну, и дела! По-видимому, это к нам явились очередные сумасшедшие, приветствующие звуками трубы Делаго. Верочча, выгляни, пожалуйста, из окна и посмотри, кто это может быть. *(Показывает рукой перед собой).*

Верочча находится в глубине сцены и направляется в зону просцениума, откуда Пьетро показывает на окно. По мере того, как она продвигается вперед, сверху на сцену опускается фасад виллы с двумя рядами окон. При этом, жест Пьетро и направление, в котором движется Верочча, не совпадают с той точкой, в которой окно кабинета Пьетро в действительности находится на фасаде.

18.-

Если на фасаде нарисовано четыре окна, два сверху и два снизу, Верочча высунется из второго окна верхнего этажа, находящегося справа, поскольку, если смотреть на виллу снаружи, кабинет Пьетро размещается именно в этом месте.

ВЕРОЧЧА: *(высовывается из окна и смотрит сверху вниз).* Да, да, это именно они! *(Отвечает жестом - нет, на вопрос Пьетро, кого она подразумевает под словом они, не журналистов ли, случайно?).* Нет, нет! Это прибыли его родственники.

(Продолжает смотреть из окна, комментируя увиденное).

Они там не одни. Всего их пятеро. Впереди идет Тито. Сейчас из машины выходит издатель. Как его зовут? Вспомнила - Модони. За ним следует человек, которого я не знаю. В прочем, минутку... Да это он! Его Превосходительство Джаффредо... А вот и Валентина. И, наконец, последней спускается тетушка.

Смотрит вверх, прикрыв глаза руками, и некоторое время любуется небом, после чего тяжело вздыхает.

Как только жаль! Надо же всему этому случиться именно в такой прекрасный солнечный день!
(Исчезает в окне).

Между тем фасад здания убирается со сцены (поднимается). Мы оказываемся в холле виллы, куда только что вошли гости, объявленные ранее Вероччей, когда она находилась у окна. Вошедшие вначале стоят спиной по отношению к зрительному залу, поскольку они, предположительно, вошли в холл из зоны просцениума., где, в соответствии с теми окнами, что мы уже видели в наружной стене, находится воображаемый вход в виллу.

*Джованна – жена ***. Выглядит словно статуя. Являет собой пышный, но маловыразительный символ официальной славы мужа. У нее узкий лоб, суровые овальные глаза, величественная осанка, властный орлиный нос и тяжелый подбородок. Она - в пышном одеянии, черного и серебристого цветов.*

*Валентина – дочь ***. Уже в возрасте близком к тридцати годам. Представляется недотрогой. Напоминает собой фигуру, сошедшую с картины, и, выписанную с подчеркнутым изяществом и особой скрупулезностью. Выглядит так, словно не от мира сего.*

*Тито – сын ***. Крепкого телосложения, приземистый; замкнутый, но одновременно и вспыльчивый. Если скажет что-нибудь, то – как отрежет! Его Превосходительство Джаффри – Государственный Министр. Выглядит лет под пятьдесят. Седой, галантный, но отнюдь не сердечный. С властным взглядом, но всегда с улыбкой на лице; производит впечатление человека знающего себе цену и привыкшего к тому, чтобы ему все подчинялись. Привык вращаться в высших сферах финансов и политики. И в качестве друга семейства ***, является покровителем и благожелателем всех его членов. Относится снисходительно к высказываниям и капризам литераторов, которые, скорее, его даже забавляют, лишь бы затем все протекало по его сценарию.*

19.-

Модони – издатель. Выглядит лет под шестьдесят. Тучного телосложения и с головой типичной для интеллигентного израильтянина. Хитер. Выдает себя за благородного человека, но от него можно ожидать любого коварства.

ДЖАФФРЕДИ: Как здесь здорово, просто не нахожу слов!

ДЖОВАННА: Еще бы, друг мой! Но я не вижу в этом их особой заслуги. При их-то деньгах...

МОДОНИ: Он что, баснословно богат, а?!

ВАЛЕНТИНА: Кажется...

ТИТО: Разве рекламная компания, развернутая им в поддержку «Дедало», не служит для вас лучшим свидетельством того, как он умеет сорить деньгами.

МОДОНИ: Что, верно, то, верно... Он проделал это мастерски... Ничего не скажешь!

ДЖОВАННА: Чтобы это значило, что никто не спускается к нам? Не пора ли нам снова протрубить в фанфары?

ДЖАФФРЕДИ: Он, на самом деле, приходится ему племянником?

ДЖОВАННА: А как же еще, если он - сын его родного брата!

ТИТО: Неслыханное дело! У него та же самая фамилия...

ДЖАФФРЕДИ: Почему неслыханное?

ТИТО: Да потому что он – носит нашу фамилию – а стал издателем этого выскочки «Дедало»!

ВАЛЕНТИНА: Делаго, Тито.

ТИТО: *(Поправляя себя).* Делаго! Делаго!

ВАЛЕНТИНА: *(Рассерженная).* Следи, пожалуйста, за собой! Постоянно говоришь «Дедало»!

ТИТО: Может, я это делаю нарочно!

ДЖОВАННА: Уважаемые синьоры, мы все еще находимся одни посредине этой комнаты; и никто не появляется, чтобы сказать нам «располагайтесь, пожалуйста»... Возможно, было бы правильным нам тотчас же покинуть эти стены, но я думаю, что пока еще не настал для этого подходящий момент. Однако, нам также не зачем и терять наше драгоценное время. Модони, вам выпадает миссия подняться наверх. А, где рукопись?

МОДОНИ: Она при мне, вот она!

ДЖОВАННА: Хорошенькая история! Ничего не скажешь! Но я никогда ничему не верю, пока сама не увижу все собственными глазами! Идите же! Идите!

(Обращается к Джаффри).

И то, что я не буду присутствовать при этом разговоре, даже лучше, друг мой.
А то я могу наговорить такого!

(Обращается к Модони).

И, пожалуйста, не делайте ему никаких уступок или поблажек. Нет, нет и нет!

МОДОНИ: Вы не считаете, что будет лучше, если со мной поднимется наверх также и Его Превосходительство?

20.-

ДЖОВАННИ: У вас, Модони, власти по контракту – хоть отбавляй. Так употребите же ее и точка!

ДЖАФФРЕДИ: Если это диктуется необходимостью, то и я тоже могу подняться наверх; и поговорить с ним лично. Или же пусть он спустится сюда... Кстати, почему бы ему не спуститься к нам самому?

МОДОНИ: *(С большой рукописью в руке, держит ее словно дорогую реликвию).*

Вы это прекрасно понимаете, Ваше Превосходительство. В свете того, что здесь готовится, для меня отказаться от моих планов, равносильно...

Клянусь честью, мое сердце обливается кровью! Но довольно! Я никогда не гнался за личной выгодой. Надеюсь, что он это поймет. *(Поднимается по лестнице).*

ДЖАФФРЕДИ: Только не уступайте ему, ни в коем случае! Не уступайте! И не забывайте, в случае чего, я тут же буду подле вас!

ДЖОВАННА: Бедняжка, не нахожу других слов: он был так счастлив... Новый труд, которого он ждал словно манну небесную...

ДЖАФФРЕДИ: И вдруг это предательство! Просто невероятно!

ТИТО: Невероятно!

ДЖАФФРЕДИ: Простите, Джованна... *(Отводит Джованну немного в сторону).*

Нет, я только хочу сказать то, что если он так богат и ... доводится ему родственником, племянником... то нельзя ли нам попытаться... подействовать на него таким образом, чтобы он позабыл о своем издательском доме и этом Делаго...

ДЖОВАННА: Да. Но как?!

ДЖАФФРЕДИ: Видите ли,... мне пришла идея,... не мог бы он, например, составить подходящую пару нашей Валентине?

ДЖОВАННА: Что вы, дорогой мой друг, помилуй бог! Он приехал сюда из Америки с двумя молодыми русскими бандитками, которых он там неизвестно где выловил...

ДЖАФФРЕДИ: Это ничего не значит,... если бы только было можно...

ДЖОВАННА: Как это ничего не значит?! Тем более, что на одной из них он уже женат!

ДЖАФФРЕДИ: Вот как, он уже женат на одной из них...

ДЖОВАННА: К тому же, после того, что он выкинул... вам разве этого мало?!

Пожаловал сюда прямо из Америки – Тито, а, что ты на это скажешь?

ТИТО: *(Приближается к Джованне).* Я, Мама?!

ДЖОВАННА: Его Превосходительство говорил о Пьетро, *(тихим голосом)* относительно Валентины...

ТИТО: Но, если он уже женат!

ДЖАФФРЕДИ: Я этого не знал. Но смею заметить, что браки в Америке это только так...

ТИТО: Вы имеете в виду развод? Это невозможно! Он страстно влюблен в свою жену! Их невозможно оторвать друг от друга... К тому же у нее есть сестричка... Одним словом, что можно сказать о них - трое сумасшедших...

ДЖОВАННА: Кстати, я уже ему сказала, что, если к тому же принять во внимание то, что он тут выкинул...

ТИТО: ...да, действительно. Едет сюда сугубо, чтобы познакомиться с нашим отцом, но вдруг неожиданно возникает, словно гриб на ровном месте, в качестве издателя молодых поэтов. Чисто американский трюк! *Пим! Пам!* И вот уже запущен Делаго! Делаго – против папы!

ДЖАФФРЕДИ: Но кто он, этот Делаго? Я хотел бы это знать!

21.-

ТИТО: Один из тамошних поэтов! Его друг! И что самое интересно, ваше Превосходительство, этого Делаго при этом сталкивают с моим папой. Хотя я могу доказать! *Да, да, доказать!* Что он наверняка читал моего папу! Что он копирует моего папу!

В этот момент по лестнице спускается Пьетро в веселом расположении духа.

ПЬЕТРО: О, да здесь также и Тито, утверждающий, что “он копирует папу!”

ТИТО: Да, он его копирует! Копирует! И я готов доказать это и показать, где именно, и сколько раз, пункт за пунктом!

ВАЛЕНТИНА: Тито сумел заставить себя прочитать всего Делаго– причем, совершенно беспристрастно.

ДЖОВАННА: *(Словно Тито совершил какой-то подвиг).* На самом деле? Это правда?

ТИТО: Да, да. И я нашел в его стихах явные следы плагиата! Более пяти случаев!

ДЖОВАННА: *(Обращаясь к Джаффри).* Вот, пожалуйста! Вы слышали? Сейчас, наверняка, мы увидим тут такое!

ПЬЕТРО: Как бы не так! Хорошенькое дело! Я только что это узнал наверху! Что, как раз, наоборот, это он сейчас подражает Делаго, в своей новой книге! Модони просто в шоке! Это триумф! Самый настоящий триумф для Делаго и для меня!

ДЖОВАННА: Нет, нет, дорогой! Рано еще говорить о триумфе! Мы находимся здесь и явились сюда как раз именно по этой причине. Эта его новая книга не будет опубликована!

ПЬЕТРО: Но, если ее не опубликует Модони, то это сделаю я! Я опубликую ее лично!

ДЖАФФРЕДИ: *(Решительно вклинивается в разговор с авторитетным видом).* Это еще как сказать! Вы ничего не опубликуете!

ПЬЕТРО: Простите, но, кто вы есть, являетесь тут в мой дом!

ДЖАФФРЕДИ: Можете выкинуть эту затею из своей головы, навсегда!

ДЖОВАННА: Это Его Превосходительство Лючиано Джаффри, Государственный Министр!

ПЬЕТРО: Уважаемый Министр. Но я, не забывая этого, родился в Америке.

ДЖАФФРЕДИ: Это и видно, что в Америке.

ПЬЕТРО: При этом я вырос итальянцем. До такой степени, что заставил мою жену и мою кузину, которые, к тому же, иностранки, выучить наш язык и говорить на нем. Что они делают даже лучше меня.

ДЖАФФРЕДИ: Они у вас русские?

ПЬЕТРО: Да, синьор, русские. Но они не интересуются политикой, так что в этом смысле все в порядке. Я вам уже сказал, что я родился в Америке, чтобы вы поняли, что для меня может означать Государственный Министр...

ДЖАФФРЕДИ: Вы, очевидно, меня плохо знаете. Мне нет нужды прибегать к той власти, которую мне обеспечивает мой пост, чтобы быть защитником, сегодня, здесь, в этом месте, вместе с его семьей и всей Страной, той славы, которая стала святой для всего нашего поколения. И, этой славе никому не позволено наносить оскорбления, в том числе и ему самому. *(Показывает рукой наверх)*. Да еще в тот момент, когда вся Нация, по моему предложению, готовится чествовать его, и торжественно отметить его пятидесятилетие.

22.-

ПЬЕТРО: Я, как племянник, этому особенно рад; но никто, да будет это вам сказано, также не имеет права запретить ему, по этой причине, публиковать его новую книгу!

ДЖАФФРЕДИ: Это мы запретим ему публиковать ее, и на законном основании, засвидетельствовав, таким образом, уважение, которое мы питаем к нему и к его имени.

ПЬЕТРО: Сказать такое! Хорошенькое же уважение вы питаете к нему!

ДЖАФФРЕДИ: Потому что Он просто не имеет никакого права терять голову в тот самый ответственный момент, когда намечается его коронация.

ПЬЕТРО: Коронация? Какая такая коронация? Его что, собираются короновать...?

ДЖАФФРЕДИ: Да! И знаете, ни каким-нибудь, рассчитанным на внешний эффект, лавровым венком, как это делают в провинциях в отношении певцов, и, которые все еще любят возлагать к монументам. Нет! А настоящей аристократической короной, которую Страна вручит ему в знак признания его национальной славы. Короной графа!

ДЖОВАННА: Которая к тому же будет наследственной!

ПЬЕТРО: *(Воспринимает это сообщение прохладно)*. ... Вот как... *(Затем смотрит на Тито)*. Таким образом, затем графский титул перейдет к тебе...

ТИТО: Могу тебя заверить, что я не ударю грязью...

ПЬЕТРО: Не сомневаюсь! Ничуть! А вы станете - Графиней. *(Отвешивает поклон Джованне)*. А ты – молодой графиней. *(Отвешивает поклон Валентине)*. При условии, что он сдастся и согласится не публиковать свою новую книгу.

Показывает рукой наверх, давая понять, что речь идет о рукописи, с которой только что поднялся наверх Модони.

Мне все понятно.

ДЖАФФРЕДИ: Эта его новая книга – я хочу, чтобы вы это знали – была уже прочитана и скрупулезно изучена, слово за словом, всеми друзьями и поклонниками его таланта, которых у него тьма тьмушая – и у всех у них на ее счет одно и тоже мнение -

ПЬЕТРО: - что она в значительной степени оказалась под влиянием юношеских новаций Делаго – и тогда вы решили наложить на ее запрет – *defendu* - Все как надо, Окей! Окей! Оллрайт! *(Делает пируэт, вращаясь на каблуке)*.

ДЖАФФРЕДИ: Он не должен больше совершать опрометчивых ходов, имея в виду его нынешний возраст!

ДЖОВАННИ: ... и выставять себя в дурном свете, пав так низко, что начал даже имитировать...

ТИТО: ... голос своего противника, сделавшись его эхом! – это просто недостойно его!

ДЖАФФРЕДИ: Он должен снова стать самим собой! Монолитным в своей славе, уже установившейся, с вполне очерченными контурами. Если же он пожелает еще сказать что-нибудь, после того, что он уже сказал, то он это должен будет сделать лапидарным стилем. Исключительно лапидарным.

На лестницу выбегает Верочча, вся в гневе. Начинает звать Пьетро, ухватившись руками за перила лестницы.

23.-

ВЕРОЧЧА: Пьетро! Пьетро! Поднимись, пожалуйста, наверх!

ДЖОВАННА: *(Смотрит в направлении Верочки).* Что здесь происходит? Где мы находимся?!

ВЕРОЧЧА: Это же самый настоящий произвол! Поднимись сюда! Поднимись!

ПЬЕТРО: А вот и я! А вот и я!

Бросается вприпрыжку по лестнице, по которой спускается Наташа, как всегда спокойная и уравновешенная.

ДЖОВАННА: В таком случае, я тоже поднимусь наверх! Это уже чем-то смахивает на заговор!

ДЖАФФЕДИ: Нет, позвольте! Позвольте это сделать мне, Джованна! Туда поднимусь я!

ДЖОВАННА: Они его держат за пленника! Разве вы этого не видите?! Он у них там, наверно, тронулся умом!

ДЖАФФРЕДИ: Успокойтесь, успокойтесь, я его быстро приведу в чувства! *(Направляется наверх).*

ДЖОВАННА: И обязательно спустите его вниз, прошу вас. Нам надо тут же покинуть эти места! Меня уже тошнит от одного только пребывания здесь!

Поднимается по лестнице вслед за Джаффриди и перед тем, как исчезнуть из виду, обращается к детям:

Не перестаю удивляться, как он мог вручить себя в руки этих сумасшедших, к тому же наших заклятых врагов!

НАТАША: *(Абсолютно не реагируя на слова, сказанные Джованной).* Вы должны были бы поблагодарить нас за то гостеприимство и заботу, которые мы проявили по отношению к нему. Если вы это хотите знать – он очень болен.

ДЖОВАННА: *(Пожимая плечами).* Болен... болен... Это был для вас только предлог, чтобы заманить его сюда и выставить его на посмешище!

НАТАША: Никакого предлога. Он болен на самом деле.

ДЖОВАННА: *(Не очень обеспокоенная состоянием здоровья мужа).* Это верно, у него немного пошаливает сердце...

ТИТО: *(Наоборот, очень обеспокоенный).* Может, ему сейчас плохо, там, наверху...?!

НАТАША: Нет, нет. Если речь идет о сердце, то нет. У него иная болезнь – ужасная – которая приходит к людям, достигшим определенного возраста.

ВАЛЕНТИНА: *(Напуганная).* И, что это за болезнь?
НАТАША: *(Само спокойствие).* Он переживает вторую молодость, кузина!
ВАЛЕНТИНА: Это ваша работа, что он заболел этой болезнью!
НАТАША: *(Как выше).* Возможно, что и наша.
ДЖОВАННА: *(Удивленно смотрит на Наташу).* Как вы смеете говорить такое!
НАТАША: Но, видимо, в нем уже были признаки этой болезни еще до того, как он приехал к нам. Я это говорю, поскольку это чистейшая правда. Более того, я скажу всем вам - считающими нас его врагами – что, наоборот, это вы его самые настоящие враги.
ДЖОВАННА: Мы? Вот как!?! И вы имеете наглость утверждать это передо мной?!

24.-

НАТАША: Не наглость, а мужество, потому что это сушая правда. Вы, в данный момент совершаете над ним насилие; живете за его счет и не даете ему даже нормально дышать!
ДЖОВАННА: Все, хватит! Баста!
ТИТО: Это неслыханно!
ВАЛЕНТИНА: Нам надо тут же покинуть этот дом!
ДЖОВАННА: *(Обращается к Тито).* Немедленно поднимись наверх и скажи ему, что меня здесь вот-вот хватит удар, и, что, если он тотчас же не спустится, я оставляю этот дом! *(Наверх поднимается также Тито).*
НАТАША: *(По-прежнему спокойная).* При всем вашем желании, он не сможет спуститься сюда сразу. Ему нужно время, чтобы он сменил свою нынешнюю одежду на одежду старца. Он как раз этим и занимался – но к нему поднялся синьор Монтони...

Валентина при слове “Монтони” прыскает со смеху от злости.

ДЖОВАННА: Модони! Модони! Он – его издатель и, к вашему сведению, является самым известным издателем в Италии!
НАТАША: Мне, иностранке, позволительно не знать этих вещей.
ДЖОВАННА: А нам тогда позволительно дать вам от ворот поворот, если вы – иностранцы - будете вмешиваться в наши дела!

В этот момент начинают спускаться по лестнице, громко разговаривая друг с другом, и, будучи вне себя от гнева, Модони и Пьетро. За ними следуют Джаффриди и Тито.

МОДОНИ: Э, нет! Э, нет! Этому никогда не бывать! И, если все обстоит именно так, то я беру ее обратно! *(Выхватывает из рук Пьетро рукопись).*
ПЬЕТРО: *(Вцепляется в рукопись).* Вы действуете силой? Я вам этого не позволю, черт подери! Вы должны мне ее немедленно вернуть!
МОДОНИ: И не подумаю! И не подумаю, если вы осмеливаетесь вести себя подобным образом...
ПЬЕТРО: Вы мне ее должны вернуть, так как он мне ее дал сам!
ДЖАФФРЕДИ: Будет вам, Модони, верните ее ему! Всего равно, он ничего не сможет сделать с этой рукописью!
ТИТО: Он даже не может ее опубликовать!
ПЬЕТРО: Не могу, это верно! Но только потому, что этого не хочет он сам...

МОДОНИ: Нет! Вы это не можете сделать, потому что у меня с ним имеется эксклюзивный контракт и мне принадлежат все права на его творчество. Вам это понятно?! На все его труды в прошлом, настоящем и будущем!

ПЬЕТРО: Вы что, будете утверждать, что вы можете запретить ему публикацию книги у другого издателя? Книги, от которой вы отказались? Э, нет, таким правом, дорогой синьор, вы не можете обладать!

МОДОНИ: Но я отказываю ему в этом вовсе не ради собственной прихоти, как это вы мне приписываете! Я ему отказываю в этом ради его же самого! В его же интересах! Мне же было выгоднее опубликовать его труд! Именно его друзья, собравшиеся здесь, Его Превосходительство, его семья, все без исключения,

25.-

потребовали от меня отказаться от ее публикации, чтобы не вызвать скандала, который для меня, наоборот, явился бы божьим подарком. И вы это, как американец, должны прекрасно понимать! Черт подери, здесь жертвой являюсь именно я, а меня же хотят выдать за какого-то гонителя свобод! Вот вам рукопись, можете ее забрать!

(Швыряет рукопись в руки Пьетро).

ДЖОВАННА: Но в чем дело? Что здесь происходит?

ДЖАФФРЕДИ: Ничего, Джованна; я сейчас вам все расскажу!

ТИТО: *(Тихим голосом пытается успокоить мать).* Будь спокойна! Мы добились-таки того, чего хотели!

ДЖАФФРЕДИ: *(Обращается к Модони, выговаривая ему).* Извините меня, Модони, но вы были первым, кто забил тревогу и сообщил нам эту тревожную весть...

МОДОНИ: Да, это так, я этого и не отрицаю, поскольку лично испытал сильнейшее смятение, читая эту рукопись – признаюсь вам в этом, как на исповеди – и, поскольку я отношусь с крайним почтением к моему любимейшему автору, я посчитал своим долгом предупредить об этом его семью, друзей... Но все это, черт подери, идет в разрез с моими собственными интересами! Теперь, я надеюсь, вы меня сможете понять, почему я не могу допустить того, чтобы этой рукописью мог бы воспользоваться кто-то другой!

ДЖОВАННА: Стало быть, мы всё еще...

ДЖАФФРЕДИ: Нет!

ТИТО: *(Одновременно с Джаффри).* Нет!

ДЖАФФРЕДИ: Будьте спокойны, Модони, никто не воспользуется ею! Тем более, что теперь он сам сдался. Так что – баста! И это он сделал не только ради нас, но и ради всей своей Страны, которая любит его и сможет продемонстрировать ему свою любовь в очередной раз, уже в самом ближайшем времени!

ДЖОВАННА: Но тогда... как быть с этой рукописью?

ПЬЕТРО: *(Гордо).* Она останется здесь, у меня! На сохранении!

ДЖОВАННА: *(Сильно удивленная).* Как это! Это еще почему?!

ДЖАФФРЕДИ: Не волнуйтесь! Он так захотел, чтобы они могли ее читать здесь... Мы не можем отказать ему в этом удовольствии. Все равно это уже не имеет значения. Они с ней теперь ничего не смогут сделать...

ДЖОВАННА: Но они могут попытаться показывать эту рукопись всем ярым поклонникам нового автора, и продемонстрировать тем самым, насколько пал его авторитет...

НАТАША: Вам не стоит об этом волноваться, синьора, поскольку, с нашей точки зрения, его авторитету уже ничто не может угрожать...

ПЬЕТРО: Молодец, Наташа!

ДЖАФФРЕДИ: Что до нас, то, наоборот, эта книга является наглядным симптомом его очевидной духовной ломки, вызванной временным истощением его творческих сил. Он страдает от этого, и этого нельзя отрицать. К тому же, он заметно ослаб. Когда я положил руку на его плечо в конце нашего разговора, чтобы поблагодарить его за то, что он уступил нам, я почувствовал – клянусь вам – как он весь начал куда-то проваливаться под моими пальцами. *(Дорогая моя, подруга моя, ему обязательно надо будет обследовать свое сердце).*

ТИТО: А вот и он, спускается по лестнице!

26.-

**** появляется на лестнице, но уже не таким, каким он был в начале сцены, а в своем более привычном виде. В том виде, в котором все присутствующие хотели бы его видеть, после всего того, что разворачивалось на сцене с момента прибытия на виллу его родственников, издателя и друга его дома. То есть он появляется перед публикой в своем, уже традиционном виде, известном абсолютно всем, в том самом, что запечатлен на огромном портрете, висящем в его кабинете. Актер, играющий ***, тем временем, наденет на себя парик. Но было бы неплохо, если с самого начала, когда он начнет спускаться по лестнице, его длинные пряди волос были бы спрятаны вовнутрь его знаменитой шляпы с широкими полями. Это делается по причине, которая станет ясной несколько позднее. Все начинают перемещаться вглубь сцены, молча и словно в подвешенном состоянии, в то время как *** принимается медленно спускаться по лестнице, бледный и словно окаменевший.*

Когда он спустится полностью с лестницы, наверху появится Верочча, с заплаканными и покрасневшими от слез глазами. Она крепко ухватится руками о перила лестницы, словно пытаясь удержаться на ногах, и, чтобы справиться с нахлынувшими на нее чувствами.

Выход с виллы - воображаемый, как это уже говорилось ранее, находится со стороны просцениума.

ДЖОВАННА: *(Продвигаясь вперед).* Ты все еще переживаешь?

ДЖАФФРЕДИ: Да нет же, нет! Уже все прошло, все вопросы решены. Пойдемте.

ДЖОВАННА: Подождите, пожалуйста. О, боже, дорогой мой, что ты наделал со своими волосами?!

*Снимает с головы *** шляпу и проводит рукой по его волосам, в начале – с правой стороны, а затем – с левой. И тут же всем начинает казаться, что под ее руками начинают подниматься пряди его волос. Джованна и присутствующие не сводят глаз с ***.*

Вот, теперь твоя голова в порядке.

*После чего все, *** - впереди и остальные – за ним, следуют чинно, как на похоронах, в направлении просцениума. В этот момент наверху лестницы неожиданно, словно взрыв, раздается бешеный крик Верочки:*

ВЕРОЧЧА: Да здравствует Делаго! Да здравствует Делаго!

**** застывает на мгновение, словно от удара в спину, и складывает с невероятным усилием свои мертвенно бледные губы в улыбку, в которой можно разгадать одновременно и острую боль, и радость.*

ДЖОВАННА: Что за наглость!

ДЖАФФРЕДИ: Неслыханная дерзость!

ВЕРОЧЧА: *(Как выше).* Да здравствует Делаго! Да здравствует Делаго!

ДЖАФФРЕДИ: *(Обращается к Пьетро, который смеется, сияя от счастья).*

Заставьте ее замолчать, каким-либо образом?!

ДЖОВАННА: Пойдемте! Пойдемте! И чтобы твоей ноги никогда больше не было в этом доме!

27.-

**** продолжает, не ускоряя шага, двигаться в направлении просцениума; остальные следуют за ним. Между тем, Верочча продолжает кричать, словно корчась в конвульсиях, все бешенее и бешенее: Да здравствует Делаго! Да здравствует Делаго!*

З А Н А В Е С

Д Е Й С Т В И Е В Т О Р О Е

Библиотека ***, в его старом доме. В убранстве комнате во всем проглядывается старинный штамп и холодность церкви. Все стены забиты шкафами, составленными из книжных полок; в них проделаны два боковых прохода и вделан камин (авторский) - с правой стороны, перед проходом. В глубине сцены, посередине, имеется ниша, в которую вставлено огромное кресло *** с инкрустацией и с деревянными подлокотниками, отделанными тканью, перед которым помещается огромных размеров массивный, прямоугольной формы стол, заваленный различными книгами и бумагами, с большущей лампой с одной стороны и с такой же лампой – с другой стороны. Спереди стола стоит небольшой бюст ***, почти в натуральную величину, с головой, опирающейся на правую руку, сжатую в кулак у виска. Перед левой книжной стенкой размещается большой кожаный диван, уже немного подпорченный, и два кресла, также кожаные, между которыми размещается небольшой столик. Два кресла также размещаются перед камином, с правой стороны комнаты. По всему периметру библиотеки, на уровне соответствующем трем четвертям высоты книжных шкафов, проходят балкончики с деревянными перилами, по которым можно перемещаться. На этих балкончиках, среди книг, симметрично располагаются портреты четырех поэтов, два портрета в глубине сцены и по одному на каждой из боковых стен. Эти портреты выписаны на дверцах шкафов, которые можно открыть из четырех тайников, и, где предположительно хранятся наиболее редкие и ценные книги. Также и эти четыре тайника, (едва различимы, поскольку дверцы на балкончиках открываются не до конца, так как при открытии упираются в перила балкона) будут использованы во время действия, по причине, которая нам будет известна несколько позднее. Из четырех портретов два располагаются на дверцах шкафов, расположенных в глубине сцены – это портрет Данте (справа) и портрет Ариосто (слева). Портрет Фосколо располагается на дверце правой стенки и портрет Леопарди – на дверце левой стенки.

При поднятии занавеса - при ярко желтом свете, свете болезненном и действующим угнетающе на психику, совершенно неестественном и навевающим сон, хотя и несколько разбавленном теплым, насыщенным фиолетовым светом - можно видеть, как *** спит в своем кресле, облокотившись на подлокотник, и, подложив правую руку под голову, – в той же самой позе, что и исполнен бюст, находящийся перед ним с левой стороны. *** кажется вылепленным из воска. Походит на куклу, созданную

воображением Верочки, и, посаженную перед письменным столом. На балкончиках, наверху, с четырех дверей, словно живые и только что сошедшие с картин, на нас смотрят Данте, Фосколо, Ариосто и Леопарди. В абсолютной тишине, все четверо в определенный момент начинают разом жестикулировать.

Фосколо, разгоряченный, с высоко поднятой рукой, и, раскрыв всю пятерню, показывает на Данте и старается вызвать того на разговор о судьбах современной Италии, чем он очень озабочен. Но Данте, неприветливый и рассерженный, только недовольно водит плечами и энергично показывает пальцем “нет” и “нет”.

29.-

Леопарди, со своей стороны, осуждающе качает головой, то туда, то сюда, и беспомощно разводит в сторону руками, словно хочет этим сказать, что все бесполезно и тщетно. В то время как Ариосто с улыбкой, полной мудрого снисхождения, подавая знаки и головой и руками, пытается уговорить несчастного прислушаться к его совету: Помилуй, будет тебе! Будь магом самому себе и успокойся!

Эта сцена продлится небольшой промежуток времени, то есть до тех пор, пока не послышится стук в дверь, находящуюся в правой стене.

*** едва вздрагивает при этом, но этого оказывается достаточно, чтобы нарушить его безмятежный сон. И, действительно, четыре поэта тут же откроют, насколько это возможно, дверцы и тут же исчезнут внутри тайников, прикрыв дверцы за собой. Снова слышится стук в дверь, но теперь сильнее. На этот раз *** отреагирует на стук, но все еще остается некоторое время неуверенным - на самом ли деле стучали в дверь или это ему только почудилось. Пока он сомневается, потихоньку начинает исчезать неприятный желтый свет и на смену ему приходит естественный, спокойный дневной свет.

*** Войдите!

В комнату входит старый камердинер Чезаре. Он держится с достоинством, но чем-то озабочен, отчего голос у него дрожит.

ЧЕЗАРЕ: Ваше Величество, к вам пожаловал продавец пластинок из новой Студии Записи граммофонных пластинок.

*** (Смотрит на Чезаре, некоторое время что-то обдумывает, после чего говорит раздраженно). Ладно, можешь впустить его.

В комнату входит продавец пластинок новой Студии Записи с портативным патефоном, выполненным в форме небольшого чемоданчика, в одной руке и с уже открытым альбомом из шести пластинок – в другой руке.

ПРОДАВЕЦ ПЛАСТИНОК: Мое почтение, Маэстро. Я принес вам пластинку, выпущенную под названием “Мои четыре поэта”.

*** Как, она уже выпущена?!

ПРОДАВЕЦ ПЛАСТИНОК: А как же еще, ведь это ваша пластинка! Послушаете?!

(Помещает патефон на столик, находящийся у дивана. Открывает его, загружает ручкой механизм вращения пластинки и одновременно продолжает начатый разговор). Запись получилась идеальная, четкая; красота – необыкновенная. Студия Записи посылает вам шесть пластинок (насколько мне кажется, еще остаются три). Если вы пожелаете получить и другие...

Заканчивает заводить механизм вращения пластинки и кладет на диск патефона пластинку.

***** Нет, нет! Мне будет достаточно и одной! Вы, итак, мне уже оказывается много внимания!**

30.-

ПРОДАВЕЦ ПЛАСТИНОК: Все, готово. *(Заводит пластинку).*

ЗАПИСЬ НА ПЛАСТИНКЕ: *(Слышится голос ***).*

Данте. *(Пауза).*

Ариосто. *(Пауза).*

Фосколо. *(Пауза).*

Леопарди. *(Пауза).*

Это четыре характера, каждый из которых является порождением своего времени, во власти которого они полностью находятся, сами того не осознавая, И, если Фосколо может вызвать Данте на диспут о судьбах современной Италии, столь близких ему; и, если Данте, никогда не изменявший своим убеждениям, отказывается с возмущением...

***** Нет, хватит! Снимите, пожалуйста, пластинку! Снимите! Прошу вас!**

ПРОДАВЕЦ ПЛАСТИНОК: *(Снимает мизером пластинку).* Она что, вам не нравится?!

***** Нет, просто, дело в моем голосе – записанном на пластинку – который читает текст просто механически... Все это здорово, я ничего не имею против, но мне он действует на нервы. Вы можете оставить пластинки и поблагодарить от моего имени Студию Записи. Кто знает, может, они мне понадобятся и на самом деле...**

ПРОДАВЕЦ ПЛАСТИНОК: *(Сконфуженный).* Как вас понимать?

***** Я это так, не обращайтесь на меня внимания. Я и действительно, видимо, стал голосом этой библиотеки.**

ПРОДАВЕЦ ПЛАСТИНОК: Вы даже не представляете, Маэстро, как все они пойдут на расхват! Мое глубочайшее почтение!

***** До свидания!**

Продавец пластинок раскланивается и тут же удаляется со своим портативным патефоном – чемоданчиком. Тут же появляется Чезаре; он как всегда держится чинно и торжественно объявляет:

ЧЕЗАРЕ: Ваше Высочество, к вам...

***** (Вспыхивает, словно ужаленный).** Вот что, хватит с этим обращением: Ваше Высочество!

ЧЕЗАРЕ: Но мне приказала так обращаться к вам ваша синьора!

***** С каких это пор тебе это приказала, синьора?!**

ЧЕЗАРЕ: С недавних пор, ваше Высочество. Кроме того, она уточнила, что я так должен обращаться к вам до получения вами очередного титула. Я этого не могу игнорировать, будучи вашим покорным слугой...

*** Ладно, ладно! Кто там еще пожаловал?

ЧЕЗАРЕ: *(Прежним тоном, только несколько тише, как если бы не было предыдущего разговора).* Ваше Высочество, к вам пришла группа молодых людей.

*** Молодых людей?! Ко мне? Кто они?

ЧЕЗАРЕ: Сказали, что они журналисты.

ШЕЛЬЦИ: *(Просовывает свою голову в дверь как в первом действии).*

Это я, Маэстро, я здесь с некоторыми моими друзьями. Если позволите...

31.-

Изнутри, за дверью, слышится шум голосов, среди которых можно узнать голоса Сарколи и Дианы. Но громче других звучат голоса двух юных делагианцев.

ПЕРВЫЙ ДЕЛАГИАНЕЦ: Нет, это совершенно аморально! Аморально!

ДИАНА: Это просто курам на смех!

САРКОЛИ: Насмешка над целым поколением!

ВТОРОЙ ДЕЛАГИАНЕЦ: Кому это, интересно, захотелось так подшутить!

*** *(Обращаясь к Шельци).* Но, что им тут нужно?

ШЕЛЬЦИ: *(Закрывает своим телом проход в дверь и предупреждает своих друзей находящихся за дверью).* Вы сможете войти сюда, если только прекратите весь этот базар!

ЧЕЗАРЕ: *(Обращается к ***).* Если вы прикажете, я их тут же вышвырну!

*** Нет, не надо. Подожди.

ШЕЛЬЦИ: *(Обращается к вошедшей компании, которая крайне возбуждена).*

Говорить буду я.

*** Прямо-таки какое-то нашествие...

САРКОЛИ: *(Буквально бросается в бой).* Да, чтобы вы сами видели –

ШЕЛЬЦИ: *(Одергивает Сарколи).* Будет тебе, Сарколи!

САРКОЛИ: Нет, нет, при всем моем уважении к нему...

*** *(Обращаясь к Сарколи).* Чтобы видел что?

САРКОЛИ: Что вам никто не давал такого права подшучивать над чувствами молодых!

*** Подшучивать? Мне? Я вас что-то не понимаю. Что происходит?

ПЕРВЫЙ ДЕЛАГИАНЕЦ: Он что, и дальше собирается разыгрывать нас?!

ВТОРОЙ ДЕЛАГИАНЕЦ: Не позволим!

САРКОЛИ: Хватит! Баста!

ДИАНА: Нет, вы только посмотрите на него!

*** Оставь нас, Чезаре.

И в то время, как Чезаре удаляется, уязвленный в своих лучших чувствах к хозяину,

*** *обращается к молодым:*

Короче, в чем дело?

ПЕРВЫЙ ДЕЛАГИАНЕЦ: Мы все тут совершенно сбиты столку –

САРКОЛИ: - Нет, хуже: мы все здесь возмущены!

*** Как вы смеее разговаривать со мною подобным образом?!

ВТОРОЙ ДЕЛАГИАНЕЦ: Да, мы возмущены, как аморальностью поступка –

ПЕРВЫЙ ДЕЛАГИАНЕЦ: - называй вещи своими именами: этим типично американским мошенничеством синьора Пьетро –

*** Пьетро? А что он сделал?

ПЕРВЫЙ ДЕЛАГИАНЕЦ: Смошенничал! Смошенничал!

*** *(Ничего не понимая).* – Смошенничал...?!

ШЕЛЬЦИ: *(Повышая голос).* Черт подери, давайте хоть на минуту прекратим говорить на повышенных тонах! Неужели мы совсем разучились понимать друг друга даже в нашем узком кругу!

32.-

ИАНА: *(Неожиданно взрывается смехом, как в первом действии).* Делаго... Делаго...

САРКОЛИ: Прекращай, Диана, или я тебя тотчас же выставлю отсюда!

ИАНА: Это так смешно... так смешно...

*** *(Идет навстречу Диане, с гордым видом).* Но что тут смешного?

ИАНА: И мы тоже смешны, Маэстро...да и я сама, что поверила в такое... Более того, я преклоняюсь перед вами за эту великолепную шутку...

*** Какую еще такую шутку?! Что вы этим хотите сказать? Я абсолютно не в курсе дела!

ШЕЛЬЦИ: Как, извините! Разве вы не в курсе, что ваш племянник сегодня выпустил в свет новую книгу Делаго?!

*** Я? Нет! Пьетро? Простите, какую книгу?

ПЕРВЫЙ ДЕЛАГИАНЕЦ: *(Говорит с подковыркой).* “НОВЫЙ ГОЛОС”...

САРКОЛИ: *(Тут же протягивает *** изданную книгу).* Вот, полюбуйте: “Новые стихи Делаго”...

*** *(Сильно удивленный, произвольно вскрикивает).* Да это же моя книга!

ВСЕ ПРИСУТСТВУЮЩИЕ: *(За исключением Шельци, хором):*

- Ха-ха, мы это знаем!

- Теперь уже ничего не поделаешь!

- Хорошенькая новость!

- Мы все это прекрасно знаем!

ШЕЛЬЦИ: *(В то время как остальные, возмущенные, продолжают отпущать свои реплики).* – Да, это всего лишь только розыгрыш! Розыгрыш!

*** *(Разговаривает громко сам с собой и сжимает, что есть сил от злости и горечи свои кулаки).* – Ну, и дурак же я...ну, и дурак... ну, и дурак... *(Продолжает совершенно ничего не понимать).* ... Неужели он решился на такое и опубликовал мою книгу под именем Делаго?

ПЕРВЫЙ ДЕЛАГИАНЕЦ: *(Показывает другим на ***).* Притворяется, что он не в курсе всего этого!

*** *(Как выше).* ... как он осмелился поступить подобным образом...?!

САРКОЛИ: Потому что Делаго – это вы!

ВТОРОЙ ДЕЛАГИАНЕЦ: Вы что, будете и дальше отпираться?

ИАНА: Это бесполезно! И знаете почему? Потому что это он сказал нам сам...

*** Кто это вам сказал такое?

САРКОЛИ И ПРИСУТСТВУЮЩИЕ (*За исключением Шельци*). Он! – Он! – Пьетро!
– Он сам!

*** (*Снова говорит сам с собой*). Ну, и дурак же я... ну, и дурак...

ШЕЛЬЦИ: (*Говорит громко, пытаясь перекрыть голоса своих друзей*).

Нет, это не так! Послушайте меня! – Дело в том, что я в начале показал эти пробные оттиски одному человеку, который ранее уже читал рукопись. К моему удивлению, он весь загорелся, вскочил на ноги и объявил триумфально, что эта книга не была книгой Делаго, а вашей, и, что вы отказались от нее!

*** Отказался? Это не правда! Просто, я ее оставил там –

САРКОЛИ: У Пьетро? Чтобы он ее опубликовал?

*** Нет, наоборот! Запретив ему делать это!

САРКОЛИ: Каково, а? Слышали? – Так значит, это он сам пошел на такое предательство! И решил разыграть нас всех, без исключения!

33-

ШЕЛЬЦИ: (*Кричит*). Это не правда! Не придумывайте, чего не было! Это я его сумел вывести на чистую воду!

*** И он вам во всем признался...

САРКОЛИ: Что это был розыгрыш, в этом нет сомнения!

ШЕЛЬЦИ: (*В то время как все остальные возмущены и все время повторяют*):

Розыгрыш! Розыгрыш! *** *про себя повторяет, сжимая, что есть сил, со злостью и горечью свои кулаки*: Ну, и дурак же я... Ну, и дурак... Самый настоящий дурак....

Шельци решительно возражает и выступает против всех присутствующих.

Нет! Пьетро не устраивал никакого розыгрыша! Скорее наоборот! Он намеревался защитить и вашу книгу, и вас лично. И именно я продемонстрировал ему –

*** (*Буквально набрасываясь на Шельци*). И, что вы ему там продемонстрировали?

ШЕЛЬЦИ: (*Разгневанный, шлепает всей пятерней о стопку листов из пробных оттисков*). Что в книге, эти новые страницы, звучат фальшиво –

*** - Ха-ха, интересно! Теперь еще они и звучат фальшиво!

ШЕЛЬЦИ: - Нет, в тот момент я этого еще не знал! Но даже, если я этого и не знал – розыгрыш – розыгрыш раскрывается сам по себе!

*** Ясное дело! Как же еще могло быть иначе!

ШЕЛЬЦИ: - Я могу показать вам все те пометки, которые я тут сделал! В прочем, помните и о таком факте, что я, хотя и всегда ценил Делаго, но принимал его появление с определенными оговорками!

*** Ясное дело, розыгрыш! Какие тут могут быть сомнения! (*Как выше*).

- Короче – как я это уже сказал ему... это был розыгрыш... тому нет другого объяснения... - розыгрыш и точка! – тем более, что вы теперь знаете, что Делаго – это я.

САРКОЛИ: Извините, но, кто еще мог быть там, кроме вас!

ПЕРВЫЙ ДЕЛАГИАНЕЦ: Он в этом признался сам!

*** (*Снова переходит в атаку на Шельци*). Ваши оговорки? Ваши оговорки в адрес Делаго?! Его новаторский “стиль”, в том смысле, как вы его понимали?

Новаторский стиль, как он вам чудился? - “*Это вам не шутка!*” – А, что стоит одно только ваше заявление о том, что теперь на нас можно смело поставить крест?

Можно смело поставит крест на нас, на старом поколении? Чем не розыгрыш, а? –

Еще какой! – Особенно сейчас, когда открылось, что Делаго – это я.

ШЕЛЬЦИ: Вот именно, сейчас, когда открылось, что Делаго – это вы! И тут, знаете, раскрывается такое! (*Снова шлепает всей пятерней о стопку пробных оттисков*).

Что вся эта бумага – книга – есть ничто иное, как манипуляция стиля!

И позвольте заметить вам, что, тон, которым вы пользуетесь, разговаривая со мной, не отвечает больше моральным принципам нашей нынешней молодежи, к которой мы себя с полным правом относим –

*** - Стало быть, не отвечает?! Так?

ШЕЛЬЦИ: - Нет! Потому что для нас поэт – да будет вам известно! - больше не является высшим божеством на литературном Олимпе –

САРКОЛИ: - Который может шутки ради выдавать себя за молодого человека, которым он не является!

34.-

ПЕРВЫЙ ДЕЛАГИАНЕЦ: Для нас теперь достаточно того, что мы знаем, что Делаго – это Вы!

ШЕЛЬЦИ: Да, достаточно! Потому что для нас поэт – должен быть, прежде всего, человеком! Видит Бог! Не бумагой с отпечатанным текстом, а... - **КРОВЬЮ – ЛИЧНОСТЬЮ**

*** (*Сжимая обеими руками книгу и размахивая книгой, движется гордо, с рассерженным видом по направлению к Шельци*). Стало быть, здесь нет человека?

Нет никакой крови? А есть “Жизнь, пульсирующая не так, как у других”, “другая жизнь”, как вы сами об этом говорили? Нет – больше – Я правильно понимаю?

Потому что мне уже немало лет? Молодость же для вас – это всего лишь число лет, и она не является для вас прерогативой духа? В этом заключается ваша мораль и это то, чем вы так кичитесь! Стало быть, я – не могу быть – моложе вас всех и чувствовать в груди то, что в вас еще только бродит и не находит себе выхода – и настолько отчетливо! – что я могу это выразить раньше вас – И, поскольку это явление является новым, выразить его иначе, как делал я это раньше!? И это вы называете аморальным, с точки зрения вашей морали, которая оказалась в данном конкретном случае осрамленной?! – Что ж, если это так, то – я честно признаюсь – что я разыграл вас! Да, разыграл!

*Неожиданно из правой двери появляется Модони, весь ликующий, и, в сопровождении двух журналистов. Одновременно из левой двери появляются Тито, Джаффриди и Валентина, они удивлены, так как не ожидали увидеть здесь столько народу. Каждый постановщик пьесы может по-своему обыгрывать эту сцену, поскольку время от времени молодые персонажи, с одной стороны, и родственники, с другой стороны, и представители той или иной группы, будут обращаться к *** и разговаривать с ним одновременно. В то время как *** все это время будет располагаться посередине сцены. Наложение голосов, в прочем, должно происходить в течение короткого периода времени и должно быть естественным и характеризоваться живым участием в этом процессе всех присутствующих. Важно, чтобы при наложении диалогов, отчетливо прозвучали основные мысли, заложенные в текст пьесы.*

МОДОНИ: (*Подбегает и обнимает ****). Великолепно, друг мой! Продолжай разыгрывать! Разыгрывай!

ШЕЛЬЦИ: Послушайте, но он разыграл нас!
МОДОНИ: Э. нет, в таком случае он разыграл меня!
ТИТО: *(Уже вошел возбужденный).* Я это сразу заметил, папа! Я говорил о плагиате, поскольку не знал обо всех тонкостях дела! *(Обращается к Модони).* Я этого не знал!
МОДОНИ: Но, кто мог такое заподозрить!
ШЕЛЬЦИ: Я! Я это уже давно обнаружил...
ТИТО: Вы, когда? Что был плагиат? Я говорил о плагиате, поскольку не знал о розыгрыше!
ДЖАФФРЕДИ: *(Тем временем, подойдет к *** и пошлепает его по плечу).*
Испытываю неподдельное и огромное удовлетворение!
МОДОНИ: Из тех, что может испытывать только он!
ДЖОВАННА: Только он! И никто иной!

35.-

САРКОЛИ: Но самое большое удовлетворение от всего этого испытываем мы!
ВАЛЕНТИНА: У меня такое ощущение, словно я освободилась от какого-то кошмара!
ТИТО: Разве я тебе не говорил этого? Я говорил о плагиате, поскольку не знал ничего о этой истории!
МОДОНИ: *(Обращается к молодым людям, подтрунивая над ними).* Как же, как же: Делаго, новый поэт!
ВАЛЕНТИНА: Тито, помнишь, как ты говорил “Дедало”? Что он тебе снился даже по ночам!
ТИТО: В своей Америке и с книгами нашего папы!
ДЖАФФРЕДИ: *(Обращается к молодым).* Ну, что, получили свое, дорогие мои синьоры!
ШЕЛЬЦИ: Мы? Э, нет, извините! Мы пришли сюда –
ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: *(Перебивает Шельци и не дает ему закончить выступление).* Синьоры, извините, просим прощения! Ради бога, Маэстро: там, у нас в машине осталась газета –
ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: - мы ждем только вашего официального подтверждения –
МОДОНИ: Это я их привез сюда. Будет такой шум, которого еще не видел свет! Они хотят тут же сообщить новость – но хотели бы в начале услышать всё от тебя – *** От меня? Что именно?
САРКОЛИ: Что история с Делаго была всего лишь розыгрышем!
ПРИСУТСТВУЮЩИЕ: А, как же еще иначе! Ясное дело, что это был розыгрыш! Розыгрыш!
ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: *(Обращаясь к ***).* Вы это нам подтверждаете?
*** Я? Разве вы их не слышите? Это они заявляют в один голос!
МОДОНИ: Ну, и разыграл же он вас всех! Как только разыграл!
МОЛОДЫЕ:
- Нет! Ничуть!
- Разыграл нас?
- Он разыграл самого себя!
ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: *(Обращается ко второму).* Бежим! Бежим!
ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: *(Обращается к молодым).* Другие подробности нас не интересуют!

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Модони, прошу вас позаботиться о фотографиях!

(Удаляется вместе со вторым журналистом).

ШЕЛЬЦИ: *(Бежит вслед за журналистами, вместе с другими молодыми людьми).*

Погодите! Вам следует написать, что я, был первым, кто сумел раскрыть этот трюк...

САРКОЛИ: И, что мы явились сюда, чтобы выразить наш протест...

ОСТАЛЬНЫЕ: Да, да! Чтобы выразить наш протест! Наш протест!

*Хаотический уход со сцены молодых людей вызывает среди родственников и друзей *** дружный взрыв хохота.*

ДЖОВАННА: Я так счастлива! Счастлива, как никогда!

МОДОНИ: *(Обращаясь к ***).* Лучшего, мой дорогой друг, невозможно было и придумать!

36.-

ДЖАФФРЕДИ: Ты просто великолепен! Маньифико!

ТИТО: Как они все мигом разбежались!

ВАЛЕНТИНА: О. Боже, какое жалкое зрелище...

МОДОНИ: Надо будет поставить твоему племяннику памятник! Он не мог оказать нам лучшей услуги!

ДЖОВАННА: Он не мог оказать лучшей услуги и ему! Эта книга, сейчас, пойдет на расхват!

МОДОНИ: Ничуть! Кто это вам сказал!

ДЖАФФРЕДИ: Можно будет наложить арест на ее продажу! Организовать против него процесс за злоупотребление доверием и за нарушение авторских прав!

МОДОНИ: Вы что!?! Ничуть нет! Сейчас, наоборот, Ваше Высочество, пойдут на расхват “наши” книги, “наши”! Я уже дал команду обеспечить все магазины нашими книгами!

ТИТО: Но, учитывая то, какой сейчас поднимется шум...

МОДОНИ: С Делаго теперь все кончено, это тебе говорю я! Все кончено! Не

продадут даже четырех экземпляров. Такая же участь ждет и “Балкон с окнами”!

Поверьте, я прекрасно знаю нашу публику! Как только она узнает, что был розыгрыш...

**** (Словно оторвавшись от мыслей, в которые он был погружен, обращается к Модони). Это все твоя вина.*

МОДОНИ: Моя? Что ты говоришь?!

**** Твоя, и только твоя! Так как ты отказался опубликовать эту книгу!*

ДЖАФФРЕДИ: *(Удивленный).* Но, помилуй! Разве ты не доволен таким поворотом дела?

ДЖОВАННА: *(Выглядит совершенно ошеломленной таким поворотом разговора).* Как у тебя только поворачивается язык говорить подобное!

**** (Вспыльчиво, но, тем не менее, все время старается контролировать свои эмоции). Доволен? Чем это я могу быть доволен?! Что с Делаго все кончено?!*

(Смотрит поочередно на всех). Да, вы имеете представление, кем он был для меня?! Кем? Чтобы я был доволен, тем, что сейчас считается розыгрышем то, что до этого было – да, было – новым голосом! “Моим” голосом, которым все упивались – к которому были направлены все взоры. – “Живым” голосом – да, “живым” – “ВСЕ ЕЩЕ ЖИВЫМ” и “моим”!

ДЖАФФРЕДИ: Извини меня, но, если об этом никто не знал...

ДЖОВАННА: - что это был твой голос! – Ведь, это просто уму непостижимо!

ДЖАФФРЕДИ: Это знал только ты один!

МОДОНИ: К тому же, они использовали это имя против тебя же!

***** Я этого как раз и добивался!**

ДЖАФФРЕДИ: Вот как?! Чтобы он затмил тебя своим талантом?

***** Да, чтобы он затмил меня своим талантом!**

ДЖАФФРЕДИ: Чтобы он стал новым идолом и низвергнул тебя на землю?

***** Да, он! Потому что “живым” был он! Он! Он!**

ДЖАФФРЕДИ: Я тебя что-то совершенно не понимаю!

***** Зато я отлично понимаю, что вы меня просто не в состоянии понять!**

МОДОНИ: По-твоему я должен был издать книгу под твоим именем?

***** Но, если она была моей!**

ДЖАФФРЕДИ: И, чтобы все, кому не лень, начали бы болтать, что ты подражаешь Делаго?

37.-

***** Именно это! Именно это! Я хотел именно этого!**

ДЖАФФРЕДИ: И, чтобы затем кануть в Лету!

***** Ничуть нет! А, чтобы вновь возродиться! Стать вновь самим собой и вновь заниматься своим делом! Делом моей жизни, а не розыгрышами! Моя кровь еще кипит в моей груди! Вот, чего я хотел!**

МОДОНИ: И, каким образом? Я что-то это не понимаю!

***** Каким образом? Я знал, каким образом! Не раскрывая тайны, раньше времени, опубликовав книгу под моим именем. Чтобы, тем самым, подбросить пищу для разговоров, что это произведение было моей неудачной попыткой имитации Делаго. Всего лишь тягостным, фальшивым подражанием какого-то старца, повторяющего голос юноши. Голос новый, свежий, самобытный. Теперь вам понятно, что я собирался сделать?! – Я хотел, чтобы утвердилось еще больше имя Делаго, его юношеский задор, его оригинальность, так контрастирующая с моей копией, недостойной внимания . – Оригинальность, раскованная, уверенная в себе и смелая по замыслу. – Говорящая сама за себя! И тогда, когда уже никто бы не мог отрицать этого, тогда, да, можно было открыть этот секрет всем –**

ТИТО: - что Делаго – это ты?

***** и, что я, хотя и наломал дров, никому не стремился подражать, или правильнее сказать, подражал всегда самому себе, потому что Делаго – это и есть я, собственной персоной!**

МОДОНИ: Послушай! Но тогда, почему ты нам ничего не сказал об этом раньше?

ДЖАФФРЕДИ: Таким образом, ты собирался устроить розыгрыш с размахом? А?

***** Розыгрыш! Вот именно – розыгрыш! Вы видите в этом только розыгрыш!**

Вы даже на минуту не можете представить себе, что я могу еще чувствовать себя живым существом; сбегать из темницы, в которой я очутился! Зажатый, словно в тисках! Словно замурованный заживо! Весь задыхающийся, и, умирающий от безысходности! – Почему я вам этого не сказал раньше? Очень просто! Потому что, если бы вы сразу узнали что Делаго это я...

ДЖОВАННА: А твой племянник, он знал об этом?

***** Ясное дело, что он знал об этом.**

ДЖАФФРЕДИ: И именно поэтому он опубликовал книгу под именем Делаго?

***** Наивный!** Даже он не понял ничего. У меня не было времени предупредить его об этом. Но, кто бы это мог подумать, что тебя (*обращается к Модони*) угораздит принести мне туда мою рукопись и отказаться от ее публикации? Вот он и решил, предательски... Я знаю, я знаю, почему он это сделал! Он решил освободить меня от пут... Вернее, они все вместе решили освободить меня, и проигнорировали мое предупреждение, что, если Делаго раскроется раньше времени, то вся эта история будет восприниматься всеми как розыгрыш.

ДЖОВАННА: Ты так сокрушаешься, словно, потеряв Делаго, ты потерял все! Разве ты не остаешься больше самим собой? Добавив ко всему еще этот умопомрачительный розыгрыш, устроенный над глупцами, которые в начале поверили в него, а теперь не хотят верить в него!

******* Но, теперь я знаю, что у меня теперь больше нет другого выхода! Что я должен сознаться, что это был с моей стороны только розыгрыш!

ДЖАФФРЕДИ: И тем самым, дорогой, ты этим всех удовлетворишь! В конце концов, и эта история является демонстрацией твоего таланта и твоей живучести:

38.-

создать в начале - идола, для того чтобы тут же свалить его с пьедестала! Как бы то ни было, но ты от этого только выиграешь!

ТИТО: Теперь-то я понимаю, что гораздо интереснее было бы, если бы все случилось так, как это задумывал он!

******* Вы даже не представляете, как меня все это огорчает...

ВАЛЕНТИНА: Ничуть не сомневаюсь! Знаешь, я их уже все знала наизусть? – Все! – Все стихотворения Делаго... Особенно мне нравилось то стихотворение, что начинается словами: *“Ребенок... утро...”*...

ТИТО: А стихотворение *“Прогулка”!* *“Прогулка”* ...

******* Все это розыгрыш! Розыгрыш!

ДЖОВАННА: Э, нет; послушай, что до меня, то я охотно верю розыгрышам. Но я никогда не поверю, чтобы ты, в твоём-то возрасте и с твоими принципами, стал бы устраивать их всерьез. Я с большой натяжкой могу согласиться с тем, что все это был только розыгрыш, но, даже согласившись с этим, я считаю, что это занятие недостойно твоего имени. Видеть тебя, как ты страдаешь от всего этого... Просто невероятно, взгляните на него... - Нет, вы только посмотрите на него, на его ввалившиеся глаза... На нем нет совершенно лица...

ТИТО: Папа, ты что, и на самом деле чувствуешь себя плохо?

******* (*Взрывается*). Все! Хватит! Баста!

ДЖОВАННА: Тем не менее, это меня очень беспокоит... очень...

ДЖАФФРЕДИ: (*Вполголоса*). Перестань, перестань, Джованна... (*наступает тягостная пауза*).

ВАЛЕНТИНА: Как жаль, что все так случилось!

ТИТО: Верно, жаль!

ВАЛЕНТИНА: Еще как!!

Бег наших мыслей ясных и неясных

Не оборвется никогда.

И нет конца

Нашим желаньям.

Смерть – не для нас.

*А новое рождение и тем более!
Живем на этом свете испокон веков
Живые ни на день – на времена! (Стихи Стефано Ланди).*

Следует тягостная пауза.

МОДОНИ: *(Робко).* Друзья мои, там все еще находятся *(показывает на дверь справа)* фотографии.

******* *(Вспыхивает).* Только не это, черт подери! Мне только этого не хватало!

Попроси их, пожалуйста, удалиться!

МОДОНИ: Дорогой, потерпи только немного...

ДЖАФФРЕДИ: Их привезли сюда с собой журналисты...

******* Не вижу в этом нужды! Уведите их прочь! Немедленно!

МОДОНИ: Но они ждут вас...

******* Я знаю, это ты их привел сюда, вместе с журналистами!

39.-

ТИТО: К тому же, уже слишком поздно...

МОДОНИ: Нет! Это нужно для вечерних выпусков! Для вечерних выпусков! Уже все статьи подготовлены к печати!

******* Чтобы обыграть историю с розыгрышем пикантными подробностями?

МОДОНИ: Поверь мне, это просто необходимо, в твоих же интересах и моих тоже, учитывая момент!

******* Все, я больше не могу! Баста! Оставьте меня в покое!

МОДОНИ: Удача сейчас идет сама в наши руки! Убедите его, пожалуйста, Ваше Высочество!

******* Меня не сможет переубедить никто! И прошу вас оставить меня в покое!

МОДОНИ: Вы можете себе представить, в каком канкане сейчас задержаются все эти молодые люди, когда узнают, что их разыграли?! Они камня на камне не оставят от ваших трудов и от вашей славы!

ДЖОВАННА: Им не удастся этого сделать!

МОДОНИ: Я это знаю. Но нам надо опередить их! Нейтрализовать их действия! Высмеять их так, чтобы они больше не могли и пикнуть! Для этого нам нужно первыми перейти в атаку! Не упустить столь благоприятного случая!

ТИТО: Точно, надо атаковать, или это сделают они...

ДЖАФФРЕДИ: Именно в этот момент, когда в воздухе пахнет грозой...

ДЖОВАННА: Вы думаете, что это может нам навредить?

ДЖАФФРЕДИ: По крайней мере, нам не стоит доводить дело до дискуссий...

МОДОНИ: Нет, нет, я не это имел в виду! Прошу понимать меня правильно! У меня и в мыслях не было сказать вам, что нам не нужно быть осторожными! Я только сказал, что нам не стоит упускать столь благоприятного случая! Что нам надо им воспользоваться! Чтобы выйти из создавшейся обстановки еще более окрепшими, как вы, ваше Превосходительство, это правильно заметили до этого... *(Обращается к Тито).*

А тебя я попрошу показать мне те места в книге, где явно прослеживается плагиат.

ТИТО: Да, да, таких мест в книге более пяти! Я их посчитал за плагиат, так как не знал природы их происхождения.

МОДОНИ: Вот мы их все и выплеснем им в лицо! Что они были глупыми, не заметив всего этого! В то время как он вел свою игру почти в открытую!

Положитесь на меня в этом деле, я знаю, как их всех поставить на свое место! Но

тебя я попрошу умерить свою гордыню, хотя бы на минуту, и вручить себя, по крайней мере, сейчас, в мои руки.

*** Меня уже тошнит от всего этого! Неужели вы это не можете понять? Так меня можно и доконать!

ДЖОВАННА: По идее, наоборот, все это должно тебя радовать.

ТИТО: Это не так, мама. Я его отлично понимаю...

ВАЛЕНТИНА: И я тоже...

МОДОНИ: Вас можно вполне понять, ведь вы еще так молоды. Ну, а теперь я попрошу вас полностью положиться на меня. Может, скажите и вы что-нибудь, Ваше Превосходительство!

ДЖАФФРЕДИ: Я понимаю, что все это тебя может тяготить; но, в конце концов, это всего лишь только потеря на короткое время твоего собственного я – в твоей последней версии –

*** - “Живой” –

ДЖАФФРЕДИ: Не смей меня! “Живой” – Ты и так живешь во всех твоих произведениях!

40.-

*** Речь не идет о моих произведениях! Речь идет обо мне, о том, что “я” – являюсь “живым” существом!

ДЖАФФРЕДИ: А что, разве твои произведения не являются живыми творениями? Ты что, собираешься все бросить насмарку, ради какого-то момента из твоей жизни?

МОДОНИ: И позволишь наброситься на них этой разъяренной сваре псов, которая попытается сбить тебя с ног, растерзать тебя в клочья и все лишь ради того, чтобы добиться отмщения?

*** Если эти произведения перестают сопротивляться, позволяют наброситься на себя и быть разорванными на клочья...

ДЖАФФРЕДИ: Это не правда! Это нападение будет несправедливым, и, устроенным ради вендетты. Надо упредить его, защититься от него: это должно стать нашей тактикой. Воспользоваться тем обстоятельством, что это был только розыгрыш – я, не возражаю, пусть это для тебя, на самом деле, не было розыгрышем – нам важно понять одну вещь – ты сейчас допускаешь то, что это происшествие надо, прежде всего, рассматривать в подобном ракурсе? Таким образом, мы сможем оперировать этим розыгрышем, как оружием – и сразу же броситься в решительную атаку!

МОДОНИ: Это как раз то, что я имел в виду! – И к этой атаке я уже подготовил всю самую серьезную прессу, которая находится полностью на твоей стороне!

ДЖАФФРЕДИ: Уже тридцать лет, как ты создаешь в представлении всех собственный образ, который ты с таким трудом изваял из мрамора собственными руками. Не можешь же ты теперь желать, чтобы он в один миг был бы уничтожен!

*** Уж, лучше быть уничтоженным... чем оставаться только слабой тенью своего образа...

МОДОНИ: Ты что, собираешься отрицать самого себя!

*** Мне уже на все наплевать!

ДЖАФФРЕДИ: Как это наплевать!

ДЖОВАННА: Но о какой это жизни он все время говорит, я хотела бы это знать?!

ТИТО: *(Произносит одновременно с мамой)*. Папа, ты – вся наша жизнь!

ВАЛЕНТИНА *(Также произносит одновременно с мамой)*. Мы все живем только ради тебя!

*** *(Сдается на милость родных и близких)*. Ну, ладно, так и быть, зовите сюда всех этих фотографов и журналистов...

МОДОНИ: *(Весь довольный, бежит тотчас же к правой двери, чтобы позвать фотографов). Живее! Живее!*

******* *(Продолжает свою мысль, уже окончательно выдохнувшись). ... и розыгрыш, и тактика, и образ, изваянный из меня: (Беспомощно опускает свои руки). Все – к вашим услугам! Зовите их! Но только попросите их, чтобы они все делали быстро!*

ДЖОВАННА: *(Словно разговаривает сама с собой). Меня просто так и разбирает узнать, какой такой жизни ему не хватает...*

******* Не беспокойся, дорогая, больше – никакой: теперь она есть у меня одна, та, что принадлежит вам –

ДЖОВАННА: - но она также и твоя! –

******* - да, я знаю; изваянная из мрамора. *(Обращается к Джаффри).* Как это ты здорово сказал! - Ну, как? В этой позе я смотрюсь хорошо?

На зов Модони являются три фотографа со своими фотоаппаратами, один из которых ручной, а два других находятся на штативах, и с аппаратурой для магниевой вспышки.

41.-

МОДОНИ: В начале надо сфотографировать его одного. Прошу всех немного сдвинуться в сторону.

ПЕРВЫЙ ФОТОГРАФ: Так, как есть? Во весь рост? Не лучше ли было бы...

МОДОНИ: Нет; первую фотографию – во весь рост. Вторую – за письменным столом. Тебе, дорогой, надо набраться немного терпения. Газет у нас тьма тьмуцая! Третью – между Его Превосходительством и мною.

ДЖАФФРЕДИ: Нет, нет, не надо! Что до меня, то я хотел бы не мучить его!

МОДОНИ: Ваше Превосходительство, вы никак не можете отказаться от этой фотографии. Ради бога, доверьтесь мне, я знаю, что я делаю! *(Обращается к ***).* Я думаю, что и мне, твоему верному издателю, ты не откажешь в таком удовольствии? В такой чести? Затем, четвертую, надо будет отснять вместе с семьей.

ДЖОВАННА: Э, да здесь будет полным-полно дыму, прежде чем очередь дойдет до нас!

******* *находится уже под прицелами объективов. Фотографы, установив фотоаппараты, и, выставив объективы и задав дистанцию, собираются вот-вот включить магниевою вспышку.*

******* В таком случае, все мы, дорогая, будем *(расслабляясь и делая широкий жест рукой)* находиться среди вспышек *(следует магниевая вспышка)* и облаков Олимпа.

ФОТОГРАФЫ: О, боже, он сдвинулся!

Надо же такому случиться! Как жаль!

Двинул рукой именно в момент вспышки!

******* Вы правы, извините, это действительно так!

МОДОНИ: Мне жаль, дорогой, но тебе придется вернуться на старое место. Ты сдвинулся именно в тот момент, когда не должен был этого делать...

******* Да, ты прав. Я не должен двигаться ни в коем случае.

ДЖОВАННА: Извините, но у нас ничего не получится, здесь уже собралось столько дыму!

ПЕРВЫЙ ФОТОГРАФ: Простите, здесь нет поблизости какой-либо розетки?

ТИТО: Есть, есть, она тут, рядом с дверью!

ПЕРВЫЙ ФОТОГРАФ: В таком случае все в порядке! У меня там есть лампа. Ее должно вполне хватить. Самое главное больше не будет никакого дыма. А ну, давай, сходи мигом за лампой!

Второй фотограф отправляется тут же за лампой, и в то время как картина продолжается, он и два других фотографа будут заниматься подключением лампы.

*** Прошу вас, сделайте один только снимок и баста! Хватит одного! Я уже столько раз фотографировался, что можно воспользоваться и теми снимками, что были сделаны ранее!

ДЖАФФРЕДИ: Да, да, хватит и одного! Модони, пожалуй, хватит и одного.

ДЖОВАННА: Он очень устал. Пожалейте его! Хватит и одного снимка. *(Говорит вполголоса Джаффри).* По идее, не надо бы делать и одного – вы только взгляните на него – он кажется трупом...

ДЖАФФРЕДИ: *(Отвечает вполголоса Джованне).* Я с вами полностью согласен, мне тоже уже все порядком надоело.

42.-

В этот момент появляется Чезаре.

ЧЕЗАРЕ: Разрешите? Ваше Высочество, к вам снова пожаловал продавец пластинок из Студии Записи.

*** Ну и дела! И он тоже...

МОДОНИ: *(Раздраженный).* Но, что ему здесь надо?

*** Разрешите ему войти! Надо же! И он тоже тут как тут!

ПРОДАВЕЦ ПЛАСТИНОК: *(Входит со своим портативным патефоном в руке).*

Извините, Маэстро, может, я появился здесь не во время...

*** Нет, нет: здесь вход свободный; проходите! Сюда могут входить все, кто пожелает!

ПРОДАВЕЦ ПЛАСТИНОК: Меня послала к вам наша Студия... Мы хотели бы воспользоваться этим прекрасным случаем, чтобы выпустить в свет, если вы не возражаете, вашу новую пластинку...

*** Пользуйтесь, пользуйтесь, у меня нет возражений! Можете пользоваться этим случаем все, без исключения!

ПРОДАВЕЦ ПЛАСТИНОК: Я привел с собой фотографа; но вижу, что их здесь уже находится целых три. Я бы хотел снять вас в тот момент, когда вы со своей семьей и друзьями слушаете пластинку...

*** Нет! Ни здесь! *(Идет решительно к своему большому креслу, чтобы сесть в него).* А вот здесь. Я сейчас сяду сюда – словно меня усадили перед письменным столом. А, где ваш патефон?

ПРОДАВЕЦ ПЛАСТИНОК: Он здесь, я принес его...

МОДОНИ: Прости, но, что ты собираешься делать?

*** Не мешай мне! *(Обращается к фотографам).* Вот так, пожалуй, будет правильнее. Bravo, с этой лампой, которая меня буквально слепит! Вы готовы? *(Обращается к Модони).* Для писателя, дорогой мой, – снимок за столом – самый ходовой и самый выигрышный. Минутку; приму свою обычную позу; готово. Нет, подождите! *(Обращается к Тито, не меняя позы).* Тито, возьми, пожалуйста, патефон.

ТИТО: *(Берет патефон у продавца пластинок).* Вот, он у меня, папа.
(Приближается к отцу). Куда мне его поставить?

******* Сзади.

ТИТО: Как сзади?

******* *(Абсолютно спокойным голосом).* А теперь проделай в моем теле сзади дыру.

ТИТО: Папа, что ты говоришь?!

******* Я тебе говорю проделай в моем теле дыру и вставь в мой желудок патефон.
Таким образом, вы все сможете спокойно слушать мой голос, записанный на пластинку.

МОДОНИ: Ну, ты и даешь! Ну, и придумал!

ДЖОВАННА: Да, он шутит...

Все пытаются рассмеяться, но смех получается вымученным.

ТИТО: А я все никак не мог понять, что он там хочет...

ФОТОГРАФЫ: А теперь мы попросим вас не двигаться!

Замрите!

Все, готово!

43.-

******* *(встает из кресла).* Ну, наконец-то! А теперь - хватит!

ДЖОВАННА: Да, да, хватит! Больше его не надо утомлять! Баста, Баста! Пора расходиться!

ТИТО: *(Обращается к Продавцу пластинок).* Извините, но вы сами видите, что сейчас нет никакой возможности...

ПРОДАВЕЦ ПЛАСТИНОК: Очень жаль, упускать такой случай... для нашей Студии... Но ничего не поделаешь... Будем надеяться на другой раз!

МОДОНИ: *(Обращаясь к фотографам).* Живее, живее, мы уходим! Больше нельзя задерживаться ни на минуту, нам нужно срочно отпечатать копии и успеть передать их всем газетам.

ПЕРВЫЙ ФОТОГРАФ: Подождите немного, я только вытащу шнур из розетки...

МОДОНИ: *(Обращается к родным ***).* Я вернусь немного попозже.

Удаляется с фотографиями и с Продавцом пластинок.

ДЖАФФРЕДИ: Я ухожу тоже.

ДЖОВАННА: Не уходите, друг мой, подождите, я хотела еще поговорить с вами...

ЧЕЗАРЕ: *(Появляется в этот момент и обращается к ***).* Разрешите? Ваше Величество, к вам пожаловал ваш племянник, с синьорой и синьориной.

ДЖОВАННА: О, нет! Только не это! Только их еще не хватало сейчас в нашем доме!
Я тебе запрещаю принимать их здесь!

******* *(Решительно, но, контролируя свои чувства).* А я тебе говорю, что их приму. Вас же я попрошу выйти...

ДЖОВАННА: Нет, вы только посмотрите, он гонит всех нас отсюда и все ради них!?

******* А, как я могу отвечать вам иначе, если вы их не желаете принимать?

(Обращается к Чезаре). Тебя же я попрошу впустить их и тотчас же.

ДЖОВАННА: Ты не должен поступать подобным образом!

ТИТО: Но это все же твой племянник, мама...

ВАЛЕНТИНА: Я тоже их просто не переносу!

ДЖАФФРЕДИ: Успокойтесь, успокойтесь...

ДЖОВАННА: Как он не может понять, что я это говорю ради его же блага... Учитывая то состояние, в котором он сейчас находится... Пойдемте, пойдемте отсюда, друг мой...

Все четверо удаляются через левую дверь.

******* (*Обращаясь к Чезаре*). Впусти их,

******* *стоит перед большим столом, опираясь сзади руками о стол, словно в ожидании последнего выстрела, который должен сразить его насмерть. Этой позой он как бы стремится подчеркнуть, что жизнь в данный момент больше не принадлежит ему, и, что он может рассчитывать на нее только в перспективе. Что он понимает и знает наперед все то, что ему пришли сказать Верочча (в первую очередь), а также Наташа и Пьетро. И, что он с этим заранее согласен. Единственное, что он может себе позволить, так это только слушать их и ничего не отвечать.*

44.-

*Сцена, между трагически безмолвным и совершенно разбитым ***, и остальными, разгоряченными и возбужденными, появившимися перед ним, будет протекать таким образом, как, если бы последние на самом деле говорили бы так, как он предполагает они могут говорить о нем, и двигались бы так, как он предполагает они могут двигаться.*

И, в те минуты, когда Пьетро оправдывается, и тогда, когда Верочча набрасывается на него, выражая криком свое возмущение, вся в слезах и корчась от боли, и тогда, когда Наташа исключительно спокойно реагирует на разрыв, происшедший между ним и остальными – он производит впечатление человека, которому все ясно и понятно. Но создается впечатление, что ему уже нет ни до чего дела, и, все происходящее для него уже находится где-то в далеком прошлом.

ВЕРОЧЧА: (*Направляется к *** с раскрытой газетой в руках*). Ты что, и в самом деле заявил всем, что это был розыгрыш?

*Верочча смотрит на ***. Но тот стоит, как стоял, не двигаясь с места. И, словно получив на свой вопрос, едва уловимый постороннему взгляду, отрицательный ответ, она обращается к нему с вопросом:*

*Нет? Ты говоришь, что нет? Но это напечатано здесь! (Показывает ему газету. После чего все повторяется, как выше). Нет? – А как тогда другие, а? Все они – эти другие – дружно кричали об этом и торжественно объявили миру, что это так – А теперь еще и опубликовали это. А ты по-прежнему утверждаешь, что нет! Ты это сказал только мне, то ли бросая упрек в наш адрес, то ли огорчаясь, что все это произошло по нашей вине, верно?! Но теперь – баста! Теперь тебе нечего добавить к сказанному. (Вне себя от отчаяния и переживаний обращается к другим). Вы только полюбуйтесь! Он только смотрит на меня и молчит! (Снова обращается к ***). Ты что, только и можешь, что только на меня глядеть?! В прочем, мне все ясно! (Обращается к другим). Он не способен на что-либо другое, так как сдался! Проглотил полностью, вынесенный ему приговор!*

ПЬЕТРО: Я пришел сюда, чтобы сказать тебе...

НАТАША: Но он все это знает и сам, Пьетро, не надо! Разве ты не видишь, что он все знает? Не исключено, что он может нам и возразить, что он нас еще при этом и защитил.

ВЕРОЧЧА: Защитил? От чего?

ПЬЕТРО: Это нам благодарность за то, что мы хотели вернуть его к жизни?

ВЕРОЧЧА: Именно это он нам ставит в вину, разве ты этого не видишь?

НАТАША: Нет, это не так! Это может относиться к кому угодно, но только ни к нему!

ВЕРОЧЧА: Именно к нему! Именно к нему, если он так легко сдался!

НАТАША: Нельзя быть столь несправедливыми, Верочча! Виноваты – другие, не он. *(Обращается к ***).* Ты, ведь, нас защитил, разве это не так? И, хотя нас здесь, по правде говоря, никто не обвиняет, тем не менее, если верить тому, что написано в этой газете, то получается, что мы, *(обращается к Пьетро),* то есть, ты – своей публикацией оказал им огромную услугу.

45.-

ПЬЕТРО: Я? Им? О, нет! Только ни им! Если говорить об услуге, то я хотел ее оказать именно ему, решив, что ею, пусть, по крайней мере, воспользуется Делаго, той книгой, в печатании которой ему отказали. И, может, они по-своему правы, поскольку эта книга принадлежит Делаго! Делаго!

ВЕРОЧЧА: Но как? Они называют это розыгрышем!

ПЬЕТРО: Нет, все это случилось, потому что он не сумел отстоять ее право на существование перед этой кучкой глупцов, которых бы я закидал камнями, как собак, надрывающихся от лая.

НАТАША: Может быть, и он тоже поступил бы аналогичным образом, если бы у него была бы такая возможность, только он тебе об этом не говорит.

ВЕРОЧЧА: Но, почему он в таком случае ничего не говорит? Почему ничего не говорит?

НАТАША: Потому что ему это не просто сказать, он сильно переживает. Ему бы в таком случае пришлось бы начать упрекать нас, но он этого не хочет делать... Эта книга посвящалась тебе, Верочча; но у него была масса и других книг... своих книг, дорогая, которые надо было защищать. А тут все – и старые и малые – начали кричать о розыгрыше...

ВЕРОЧЧА: И, тогда ты решил сказать, что все это было только розыгрышем, я правильно говорю? Значит, я была для тебя в этой игре всего лишь только ширмой, розыгрышем? Стало быть, я нужна была тебе только для этой цели? Таким образом, все, что было у нас с тобой – это был только розыгрыш? Розыгрыш? Да? То тебе не доставало молодых... То – стариков... Но, какое значение все они могли играть для тебя, если рядом с тобой была я? Если у тебя была я?! Ты это ощущал каждую минуту. Для тебя это не было секретом, что я отдалась тебе вся без остатка, но тебе не доставало смелости взять меня, взять жизнь, которую я желала отдать тебе. Ради тебя я была готова на все, видя, как ты страдаешь из-за того, что у тебя нет никого в жизни, и даже не можешь надеяться на то, что в ней у тебя кто-то может появиться. Я помогла тебе обрести новую жизнь, но, как ты мог допустить, чтобы они все это назвали розыгрышем?! Это низко, с твоей стороны... подло... подло...

После этого диалога, Верочча разряжается нервным плачем, в котором ощущается и гнев и сострадание.

НАТАША: *(Дает возможность Верочче немного поплакать, после чего пытается не вступать с ней в полемику, а сыграть на ее чувствах).* Хватит, хватит, дорогая, постарайся больше не плакать... Я думаю, тебе вовсе не нужно в этой ситуации исполнять танец Соломеи. Я тебя очень люблю, дорогая. Настолько, что могла бы отправиться и принести тебе на подносе голову его старой жены. Но все это бесполезно. Разве ты этого не видишь? Он практически уже не подает признаков жизни.

ВЕРОЧЧА: *(Топает ножкой).* Вот именно! Так пусть же это будет ему нашим приговором! Пусть он себе стоит там бездыханный. Оставим его одного! Пойдем прочь отсюда! Пойдем!

*После этих слов Верочча увлекает всех за собой, даже не бросив в последний раз взгляда в сторону ***.*

46.-

*Теперь, когда *** остался один, *** вновь обретает дар речи. Он начинает говорить с бесконечной нежностью, обращаясь к Вероччье, как если бы та еще не ушла и находилась бы с ним.*

******* Видишь ли, я это все отлично понимаю... но все это оттого, что ты меня видела... вернее, хотела видеть таким же живым, как и ты... И была готова ради этого на все... Сейчас же ты меня упрекаешь во зле, которого я тебе не причинил... Просто мне не следовало делать этого, потому что я уже не мог больше чувствовать себя таким же живым, как ты. Моему телу не достает былых физических и духовных сил. В то время как эти же самые силы имеются в избытке в твоём теле. Подчеркиваю - в твоём теле, ни моём, поскольку телом я уже стар... Ты не поняла причины моей сдержанности, в основе которой лежал стыд, от сознания того, что я уже стар, а ты меня считаешь молодым. Это ужасная штука, с которой сталкиваются люди пожилого возраста и этого тебе не понять – это зеркало, заглянув в которое, ты неожиданно обнаруживаешь свое настоящее лицо. Ты чувствуешь себя настолько подавленным, что больше не удивляешься тому, что больше не можешь узнать себя. И тебе становится стыдно, словно от какой-то непристойности, за то, что, при этом старческом виде, у тебя все еще остается молодое и горячее сердце. Ты же – мое нежное создание – сама жизнь и молодость. И настолько еще юна, что даже при всем том, что ты сильно изменилась за последнее время, ты можешь еще измениться вновь, в любой момент. Я же – нет, мне этого больше не дано. Ты никогда не думала о том, что мне не суждено больше почувствовать себя столь же живым... Твое знакомство со мной, дорогая, пришлось на последний миг из моей жизни, когда я еще был жив. Ты только вдумайся в мои слова! Вдумайся! Разве ты могла довольствоваться только этим!?! Лишь только тем, что этот миг пришелся ни на какого-нибудь обычного старичка, а на одного, кто является **ЗНАМЕНИТОСТЬЮ** – которому все моменты из жизни, все без исключения, а их было огромное количество, если их собрать за всю его жизнь – служили именно тому, чтобы он стал **ЗНАМЕНИТОСТЬЮ** – который не может больше жить, дорогая, не может жить без того, чтобы не страдать от ощущения, что он является этой знаменитостью.

Следует пауза, после которой продолжается монолог, но только в еще более мрачном и торжественном духе.

ВЕДЬ, ТО, ЧТО И ЗНАМЕНИТОСТЬ МОЖЕТ БЫТЬ ЖИВЫМ СУЩЕСТВОМ, НИКОГО ЭТО НЕ ИНТЕРЕСУЕТ.

Следует пауза.

Ты смогла заглянуть в мою душу, поскольку я для тебя не был знаменитостью, а, прежде всего, человеком, которого ты хотела бы видеть живым, свободным, и, который существовал бы отдельно от меня, только в твоём воображении. И я **ВЕСЬ, КАК ЕСТЬ**, то есть **ЗНАМЕНИТОСТЬ**, кем бы я стал для тебя? А? Муляжом, куклой, у которой ты запросто могла состричь с головы волосы. Это такая же правда, как и то, что ты меня в качестве живой **ЗНАМЕНИТОСТИ** так меня ни разу и не увидела; ты просто не могла такого и представить. Ты меня часто

47.-

спрашивала недовольно: “Почему ты так страдаешь и принимаешь все так близко к сердцу?”. Теперь ты знаешь, почему, и нет больше нужды мне повторять это. Наконец-то ты увидела, каково быть мне **ЗНАМЕНИТОСТЬЮ**; и с этого момента для тебя **Я БОЛЬШЕ НЕ ЯВЛЯЮСЬ ЖИВЫМ**.

*Постепенно спускаются сумерки. Неожиданно гаснет последняя зарница и, прежде чем *** зажжет лампу, стоящую на столе, которая создаст в библиотеке световую палитру, характерную для сцен потусторонней жизни и так похожую на световую палитру начала действия этой картины пьесы, на театральной сцене вновь появятся изображения четырех поэтов. Но на этот раз в виде холодных, суровых на вид статуй. Он, между тем направляется медленно к столу, застывает там, стоя во весь рост на ногах, перед столом, словно изваяние и продолжает свой монолог в темноте:*

Не может быть двух мнений: когда ты стал **ЗНАМЕНИТОСТЬЮ**, надо во время (зажигает лампу) объявить себе о своей собственной смерти и замкнуться в себе – вот так – и не высовываться.

З А Н А В Е С

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Вилла с просторным садом, где*** провел лето, которое уже на исходе. По бокам виллы растут различные деревья, среди которых выделяются сосны и кипарисы, а также кустарники, олеандры и лавры. Посредине, перед виллой, имеется свободное пространство. В центре этого пространства имеется площадка, вымощенная мраморными плитами, на которой находятся три кресла. Кресло, что в центре, имеет форму курульного кресла, и два другие, находящиеся по бокам от этого кресла, слегка изогнутой формы, причем все три кресла расставлены полукругом. Кресла, находящиеся по бокам, могут быть выполнены с низкими спинками из самшита. Вилла, находящаяся в глубине сцены, белого цвета. В центре фасада располагается просторный вход, выполненный весь из стекла. С каждой стороны от входа имеется по два арочных окна; во всех четырех окнах зажжен свет и создается такое ощущение, что весь первый этаж виллы занимает атриум прямоугольной формы.

Между окнами атриума первого этажа и между окнами второго этажа оставляется пространство высотой, по крайней мере, в один метр. Для памятной надписи – эпитафия, который в определенный момент действия пьесы неожиданно появится там, словно выбитый на фасаде, и, который, естественно, будет заранее заготовлен и прикрыт, до поры, до времени, наложенными на него листками бумаги, того же цвета, что и фасад здания. Эти листочки будут убираться друг за другом, сзади, по мере того, как *** будет произносить свою заключительную речь.

Фасад виллы будет выполнен из раздвижных панелей, с тем, чтобы можно было их в определенный момент легко собрать и сложить по высоте, и, перемещая их медленно сзади по двум направляющим, сходящимся в центре, быстро их убрать со сцены. Одновременно в центре освободившегося пространства на высоту до одного метра поднимется “статуя”. Это произойдет сразу же после того, как наш герой в конце пьесы усядется в курульное кресло. Это кресло должно быть крепко закреплено на платформе, служащей пьедесталом, и, отделанной по периметру белой тканью,

которая будет выталкиваться из-под пола сцены, и таким образом статуя поднимется над сценой.

При поднятии занавеса в саду еще будут ощущаться сумерки, которые будут потихоньку все более сгущаться. Таким образом, в конце этого Действия пьесы наступит уже вечер, в тиши которого появится луна со своим ярким, загадочным сиянием. Перед стеклянным входом, в залитой светом вилле, в этот момент можно будет увидеть группу приглашенных и двух журналистов, занятых ранее во втором Действии пьесы. Которые, не найдя свободных мест в атриуме, (не исключено, что эти журналисты из каких-то чисто профессиональных побуждений не старались их и найти), предпочли остаться здесь и внимательно смотрят по сторонам. Можно различить, но с трудом, голос Его Превосходительства Джаффри, произносящего речь по случаю юбилея – пятидесятилетия рождения поэта, а также в связи с вручением ему титула графа. Время от времени раздается шум аплодисментов, перекрывающий речь Джаффри. На переднем плане находятся Тито, Чезаре и два случайных официанта.

49.-

ТИТО: *(Быстро тараторит).* Уже было объявлено о его прибытии. Но он, вряд ли, пройдет отсюда. Все уже расписано. Будьте внимательны к звукам рожка, звуки которого раздадутся сразу же, едва его автомобиль остановится там, у ограды, Как это произойдет - тут же подбегайте к нему –

ЧЕЗАРЕ: - двое с этой стороны и двое с другой стороны, вместе с привратником, и низко поклонитесь ему; как мы уже об этом ранее договорились. Кстати, нам удалось найти для привратника также и трость.

ТИТО: Прекрасно, прекрасно.

Собирается вернуться вовнутрь виллы, но затем останавливается и добавляет:

И предупреждаю, впредь его надо величать не “Его Высочество”, а “Ваше Высочество синьор Граф”.

ЧЕЗАРЕ: Не сомневайтесь,... синьор Граф. И об этом нас также предупредила синьора Графиня.

ТИТО: Прекрасно, прекрасно.

Из группы, толпящейся у входа в виллу, выходят два журналиста. Они идут навстречу Тито, который направляется в виллу, откуда снова слышится шум аплодисментов.

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Пожалуйста, не могли бы вы быть, так любезны...

ТИТО: Вам что, не досталось места? Пойдемте со мной!

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Нет, нет, мы остались снаружи специально –

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: - чтобы пообщаться с кем-нибудь из его семьи... Если бы вы могли уделить нам немного внимания...

ТИТО: Но, к сожалению, я не имею сейчас такой возможности; вы сами это можете видеть. Мне еще надо успеть дать массу указаний. Только что объявили о прибытии Князя. Поговаривали, что он не сможет присутствовать на этом торжестве, однако...

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Прекрасно! Таким образом, это мероприятие будет отмечаться на самом высоком уровне.

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Как жаль, что Его Превосходительство Джаффри уже начал свою речь...

ТИТО: Это просто восхитительно! Восхитительно! Вы его слышали?

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Его речь была набрана в печать в типографии еще утром. Пожалуй, она носит несколько полемичный характер...

ТИТО: Но это же его обычный стиль! (*Раздаются аплодисменты*). Вы только послушайте, послушайте, какой у него ошеломляющий успех! А, какой зал! Вы его видели?

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Конечно, видели! *Un parterre des rois...* (достойный королевского дворца).

ТИТО: Простите, но я должен срочно бежать...

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Как жаль...

В этот момент из виллы выходит Валентина, с огромным букетом цветов.

50.-

ВАЛЕНТИНА: Тито, Тито, я просто не знаю, что мне делать, я стала здесь, у входа, чтобы вручить цветы Его Высочеству, а вдруг он решит воспользоваться запасным входом, предназначенным для важных персон!

ТИТО: О, царица небесная, неужели ты не можешь спросить об этом у мамы?!

Откуда мне знать это? Вручишь ему цветы, когда он будет в зале!

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: (*Обращается к Валентине*). Синьорина, не могли бы вы оказать нам любезность...

ТИТО: Извините, господа, но лучше будет, если вы обратитесь ко мне! Чтобы вы хотели узнать?

ВАЛЕНТИНА: Вас интересует список приглашенных лиц?

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Он у нас уже есть!

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Для освещения торжества там внутри остались другие наши коллеги...

ТИТО: Но тогда, простите! Отвлекать нас в такой момент...

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: (*Обращается к Валентине*). Вы не могли бы немного рассказать нам о некоторых сторонах личной жизни вашего Отца...

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Это был бы очень ценный материал! Мы так мало знаем об этой стороне его жизни...

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Он, по всей видимости, должен быть очень доволен оказанными ему почестями?!

ТИТО: Доволен? Понадобилась вся сила убеждения нашей матушки и авторитет Его Превосходительства Джаффри, чтобы заставить его согласиться на организацию этого мероприятия! Знали бы вы, как нам всем пришлось попотеть при этом! Мы все еще до сих пор не пришли в себя....

ВАЛЕНТИНА: Но только не подумайте, пожалуйста, что эти почести ему совсем не нравятся, хотя нам и пришлось его буквально уламывать. Более того, я бы сказала, что они ему нравятся очень.

ТИТО: Да еще как!

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Что он строптивый, мы все это знаем!

ТИТО: Поверьте, но во всем, чего он добился, есть неоспоримая заслуга нашей матушки – в том, что его слава стала прочной как глыба мрамора. Мы, дети, это отлично понимаем!

ВАЛЕНТИНА: Да, да, мама для этого сделала очень много... Поскольку в жизни он ведет себя, словно ребенок. Он не в состоянии купить себе самостоятельно даже носового платка. Единственное, что он может делать, так это только наблюдать.

ТИТО: Что, верно, то верно! Можно поклясться, что и сейчас он там за всем наблюдает. Со стороны может показаться, что он витает все время где-то в облаках, и ни до чего ему нет дела. Уму непостижимо, как только ему это удастся делать!

Мама, все время обижается: Как! Неужели, ты не видел этого? Или, неужели, ты не видел того?! Но ему все нипочем! Он ничего не видит в упор; но зато может заприметить такие вещи, о которых мы никогда и не догадываемся, и, когда он нам рассказывает о них, нам не остается ничего, как только поражаться его наблюдательности. Ты помнишь, как он обратил наше внимание на ту синьору, которая нервно, едва уловимыми движениями заламывала себе пальцы. Он тут же повторил нам их точь-в-точь; и в этом, на первый взгляд ничем непримечательном жесте, он выразил всю суть той женщины! Мы все тут так и ахнули от удивления!

51.-

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: *(Все время делает заметки в своем блокноте).* Здорово! Это очень интересно!

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: *(Также делает заметки у себя в блокноте).* В высшей степени!

ТИТО: *(Обращается к Чезаре).* Чезаре, голубчик мой, что ты стоишь здесь как вкопанный?! Пошли, по крайней мере, этих двух официантов вовнутрь и пусть они там дежурят в полной готовности!

ЧЕЗАРЕ: Слушаюсь, синьор Граф.

Отдает указание двум официантам.

Идите, идите вовнутрь. А я посторожу здесь, снаружи.

ТИТО: *(Обращаясь к двум журналистам).* Извините, но и мне тоже надо удалиться; я больше не могу задерживаться здесь ни минуты. Ты тоже, Валентина, следуй за мной; потом решишь, что делать с цветами.

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: *(Приближается со своим коллегой к Чезаре).* Может, вы добавите что-нибудь к сказанному ранее?

ЧЕЗАРЕ: Я? Что я могу вам сказать?

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Пожалуйста, мы просим вас! У великого человека не бывает секретов от своего собственного слуги. Вы уже порядком как служите у него?

ЧЕЗАРЕ: Вот уже восемнадцать лет; но мне совершенно нечего сказать вам.

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Скажите, по крайней мере, он одевается сам или...

ЧЕЗАРЕ: Синьор Граф всегда одевается сам...

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Это очень интересная информация. А вы его, случайно, никогда не заставляли врасплох... мало ли что бывает... в какой-нибудь момент, когда вы утром приносите ему кофе...

ЧЕЗАРЕ: Синьор Граф столь осторожен в своих поступках и так собран, что, когда я вхожу к нему, предварительно получив на это разрешение, я нахожу, что он успел уже к этому моменту привести в порядок даже волосы на голове.

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: И это тоже для нас очень ценная информация!

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Стало быть, он не пользуется никакими штуковинами для сохранения своей прически!

ЧЕЗАРЕ: Никакими. Волосы у него уложены на голове красиво от природы. Кроме того, дорогие синьоры, я попрошу вас больше не задавать мне никаких вопросов. Я на них, просто, не стану отвечать.

Журналисты, сделав в свих блокнотах пометки, направляются к входу виллы. В этот момент с левой стороны виллы появляется Верочча и Комиссар Полиции, который преграждает ей путь.

КОМИССАР ПОЛИЦИИ: Нет; я уже сказал, что не могу пропустить вас без пригласительного билета.

ВЕРОЧЧА: А я уже вам сказала, что я не собираюсь входить на виллу!

КОМИССАР ПОЛИЦИИ: Как это не собираетесь, если вы уже находитесь на вилле?!

52.-

Пытается взять Вероччу за руку. Между тем, к ним подходит Чезаре и два журналиста.

ВЕРОЧЧА: *(Вырываясь).* Прошу соблюдать дистанцию!

ЧЕЗАРЕ: *(Обращаясь к Комиссару Полиции).* Синьорина является родственницей Его Высочества!

ВЕРОЧЧА: И совсем я не родственница.

ЧЕЗАРЕ: Как же, Его Высочество синьор Граф...

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Она доводится золовкой племяннику Его Величества.

ЧЕЗАРЕ: Она американка.

ВЕРОЧЧА: Я вовсе не американка.

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Она русская.

КОМИССАР ПОЛИЦИИ: Вот как, русская? Нам только этого не хватало? А, ну, покажите-ка мне свои документы!

ВЕРОЧЧА: *(Показывает на сумочку).* Они у меня здесь. С уже оформленной визой на выезд.

ЧЕЗАРЕ: *(Говорит Верочче тихим голосом).* Знаете, это Комиссар Полиции?

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Синьор Комиссар, можем вас заверить, что мы знаем эту синьорину; она, действительно, доводится золовкой племяннику Его Величества...

ЧЕЗАРЕ: ... Это правда – Его величества синьора Графа...

КОМИССАР ПОЛИЦИИ: Но тогда, почему у нее нет пригласительного билета?

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Именно по этой причине!

КОМИССАР ПОЛИЦИИ: *(Обращаясь к Верочче).* Вы меня просите держаться на расстоянии? Нет, знаете! Наоборот, это я получил приказ держать других на расстоянии.

ВЕРОЧЧА: Я ужасно счастлива уже оттого, что “такую, как я” поручено держать от него на расстоянии, и ни кому-нибудь, а самому Комиссару Полиции.

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Это сделано также в виду высокого ранга приглашенных лиц...

КОМИССАР ПОЛИЦИИ: Извините, но, что может означать ваша фраза: “такую, как я”?

ВЕРОЧЧА: А то, что такую, как я, надо держать от него на расстоянии, вечно, как и любую другую живую вещь! Это я знаю по себе, можете не сомневаться... Именно поэтому у меня нет и в мыслях приближаться к нему.

(Обращается к Чезаре). Я его уже предупредила, что и не подумаю войти вовнутрь.

КОМИССАР ПОЛИЦИИ: Но, что вам в таком случае надо?

ВЕРОЧЧА: Ничего. Только взглянуть на него...

ЧЕЗАРЕ: *(Интерпретирует ее слова по-своему).* Может, ваша сестра, и ваш зять уже прошли в зал?

ВЕРОЧЧА: Нет. Не думаю, чтобы они уже приехали. Кстати, они не знают, что я могу быть здесь. Перед тем как уехать, мне захотелось увидеть его еще раз, издалека, так, чтобы он меня не заметил. Но сейчас мне не хочется даже этого. Вижу, что там полно народу... *(Показывает на группу людей, собравшихся у входа в виллу, и, глазеющих по сторонам).*

53.-

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: *(Обращаясь к Чезаре).* Вы не могли бы их сдвинуть немного в сторону.

ЧЕЗАРЕ: Нет проблем! Я на это имею, кстати, указание синьоры Графини, ее тетушки.

ВЕРОЧЧА: Она не моя тетушка.

ЧЕЗАРЕ: *(Обращаясь к Комиссару Полиции).* Вы можете спокойно оставить нас, если вам надо быть в другом месте.

КОМИССАР ПОЛИЦИИ: А они могут поручиться за синьорину?

ЧЕЗАРЕ: За нее поручусь я вам сам.

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: И мы тоже, синьор Комиссар.

КОМИССАР ПОЛИЦИИ: Идет!

Комиссар полиции возвращается на свое прежнее место. В это время раздаются новые аплодисменты из зала виллы.

ВЕРОЧЧА: Ему что, там читают похоронную речь?

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: *(Смеется).* И впрямь – похоже на похоронную речь!

ЧЕЗАРЕ: *(Держится с достоинством).* Похоронную? Ничуть нет! Это почему же? Речь произносит Его Превосходительство Джаффри.

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: По случаю вручения ему титула Графа.

ЧЕЗАРЕ: Это праздник, и в высшей степени торжественный.

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Ожидается приезд Князя: Его Высочества.

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Если бы она только видела все великолепие этого зала!

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: *(Обращается к Чезаре).* Попросите, пожалуйста, всех этих людей немного расступиться и освободить вход в здание... *(Чезаре удаляется).*

ВЕРОЧЧА: *(Пытается удержатъ Чезаре жестом и говорит тихим голосом).* Не надо...

*Верочча остается в нерешительности и мечется между желанием увидеть *** и желанием тут же уйти. Группа гостей, стоящая у входа в зал, и, к которой, между тем, обращается Чезаре, не заставляет себя долго уговаривать и проходит вперед. Некоторые из гостей усаживаются в кресла с изогнутыми спинками; в то время как Верочча осторожно подходит к входу в зал и начинает следить за тем, что происходит там внутри.*

ПЕРВЫЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: Конечно же! Конечно! Выполним вашу просьбу с удовольствием.

ВТОРОЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: Кажется, что его речи не будет конца!

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: *(Одновременно обращается к Верочче).* Пожалуйста, проходите, синьорина, проходите...

ТРЕТИЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: Какое счастье, что мы остались снаружи! При той духоте, что стоит там, в зале... Может, он говорит и хорошо, но слишком длинно!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: Здесь, хоть можно дышать! Можно и закурить. *(Предлагает Третьему Приглашенному сигарету).*

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: *(Обращается ко Второму Журналисту).* Черт подери! Мы совершенно забыли спросить у его детей, какой эффект произвела на их семью

54.-

его последняя выходка. Нет, ты только взгляни на нее! Как она буквально пожирает его глазами!

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Значит и в самом деле все это правда, что болтает народ!

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Разве, тебе недостаточно того, что ты видишь? Ее даже не пригласили на празднование... бедняжку, можно сказать, выставили за дверь... Ты, случайно, не разглядел его, как он там выглядит, внутри?

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Как же, разглядел. Можно сказать, что он похож на мертвеца... Уже ходят целые легенды на счет их любви, гнездышком для которой стала вилла его племянника... Причем, все это случилось с особого благословения ее сестры... Насколько мне известно, синьорина едва достигла своего совершеннолетия...

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: К тому же, сам знаешь, как устроены русские женщины...

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: ... поговаривают даже, что его жена застигла их врасплох...

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Не думаю, я не верю этому... Что же касается его жены, дорогой мой... то лучше оставим ее на потом... Меня лично больше интересует она! *(Показывает на Вероччу).* Какая блестящая глава для его будущего биографа! Если бы только можно было ее запечатлеть в этой позе, стоящей у входа в зал... запечатлеть, как с ней поступили несправедливо, и, что ей не нашлось даже места среди гостей...

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Как жаль, что быстро стемнело...

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Нет, ты только посмотри! Посмотри! Как она сжимает кулаки, скрестив их на груди...

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Да, да, такое ощущение, что она хочет что-то закричать...

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Как бы мне хотелось поговорить с ней еще раз...
ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Давай подойдем к ней...
ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Нет, нет, если сейчас подойти к ней, она может испугаться и убежать...
ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Я слышал, что они завтра уезжают...
ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Подумать только, все эти стихи Делаго были написаны именно для нее... которые, чтобы о них там не говорили, были прекрасными...
ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: И имели такую жуткую развязку...

К журналистам приближается Третий и Четвертый гость, которые также наблюдают за Вероччей, разговаривая между собой.

ТРЕТИЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: *(Показывая на Вероччу).* Извините, кто будет эта синьорина? Вы, случайно, ее не знаете?
ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Видите ли...
ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: Никак поклонница его таланта?
ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Пожалуй, больше чем поклонница.
ТРЕТИЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: Она похожа на иностранку.
ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: Что вы имели в виду, когда сказали – больше чем поклонница?
ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: А вы сами посмотрите на нее!
ТРЕТИЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: О, боже! Такое ощущение, что из ее груди вот-вот

55.-

вырвется душераздирающий крик! Она не в силах пережить увиденное и закрывает себе лицо руками! *(Верочча проходит немного вперед, при этом, она вся дрожит и конвульсивно дергается).*

ВЕРОЧЧА: Да он же мертв! Он мертв!

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: *(Потрясенный).* Да нет же! Вы, что говорите, синьорина?

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Мертв? Этого не может быть!

Верочча, вместе с другими, собирается вбежать в зал; но все тут же останавливаются, так как, оттуда внезапно доносится бурный шум аплодисментов, раздавшихся по случаю окончания речи Джаффреди.

ТРЕТИЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: Нет, нет! Разве вы не слышите, они аплодируют...

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: По всей видимости, только что закончил свою речь Джаффреди...

ВЕРОЧЧА: А я вам говорю, что он мертв. Никто этого даже не заметил. Я лично видела, как он закрыл свои глаза.

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: У него и в правду изнеможенный вид...

ТРЕТИЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: К тому же, он одет во все белое...

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Ему нравится покрасоваться на публике, в особенности летом... Он там в своем одеянии выглядит словно лебедь.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: Действительно. Но он так бледен, без единой кровинки в лице – синьорина в чем-то права – что его можно волне принять ...

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Вот именно, за лебедя...

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: ... уже пропевшего, однако, свою последнюю песню. Он, должно быть, и впрямь чем-то серьезно болен.
ТРЕТИЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: Это и неудивительно, при всех этих эмоциях...
ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: *(С наигранной печалью в голосе обращается к Верочке).*
И, возможно, что дело вовсе не только в этих праздничных эмоциях..
ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Когда ты становишься знаменитостью...
ВЕРОЧЧА: Наступает твоя смерть.

Раздается пронзительный звук рожка, по ту сторону виллы.

ВСЕ: *(За исключением Верочки, кидаются к входу в зал, поглядывая, что там происходит).* А вот и Князь! Прибыл Князь!

В зале снова раздается взрыв аплодисментов, на этот раз по случаю прибытия Князя. В этот момент с левой стороны виллы появляются Пьетро и Наташа.

ПЬЕТРО: *(Приближается с задумчивым видом к Верочке).* А, ты здесь! Мы тебя искали повсюду...
НАТАША: Я же тебе говорила: она знает о том, что мы должны прийти сюда...
ПЬЕТРО: Я готов был отдать свою руку на отсечение, что не увижу тебя здесь!
НАТАША: Теперь ты видишь, что я знаю ее лучше тебя...

56.-

ПЬЕТРО: Согласен. Ты его уже видела?
ВЕРОЧЧА: *(Отвечает больше кивком головы, чем голосом).* Да.
ПЬЕТРО: А он?
НАТАША: Кто? Он? Она, наверняка, даже не показалась ему на глаза.

Внутри виллы снова раздаются аплодисменты.

ВЕРОЧЧА: Он находится теперь далеко. И не в состоянии больше ничего не слышать и никого не видеть.
ПЬЕТРО: Мы с Наташей хотим лишь только попрощаться с ним и тут же уйти.
ВЕРОЧЧА: Он в любом случае не услышит вас и не увидит. По крайней мере, больше не говорите ему обо мне ничего: я вам это запрещаю делать! В особенности, о том, что я была здесь...
ПЬЕТРО: А, если он что-либо спросит о тебе?
ВЕРОЧЧА: Не спросит.

Верочча, чтобы удалиться, направляется в ту сторону, откуда появилась. На углу виллы она неожиданно сталкивается с Матушкой-Наставницей, запыхавшейся от быстрой ходьбы, и с двумя монашками, за которыми следуют девушки и ребята из духовной семинарии. В группу входят, по крайней мере, четыре парня и четыре девушки, одетые в форму семинаристов.

МАТУШКА-НАСТАВНИЦА: *(Вся запыхавшаяся).* Живее, живее, сколько раз я уже вам сказала, что мы опаздываем... *(Обращается к ребятам).* Вы, пока оставайтесь здесь в саду. И попрошу вас вести себя смирно! *(Затем обращается к монашкам).* А мы – войдем вовнутрь!

Просит собравшихся приглашенных и журналистов расступиться, и входит в виллу с двумя монашками. Парни и девушки, едва освободившись от опеки, и все еще запыхавшиеся от быстрой ходьбы, тут же бросаются врассыпную по саду.

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ: *(Хлопает от удовольствия в ладоши).* Уффа, как здесь красиво!
ВТОРОЙ ПАРЕНЬ: Здесь все скоро будет нашим, в том числе, и тот привратник с тростью!

ТРЕТИЙ ПАРЕНЬ: Затем мы разобьем здесь спортплощадку!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАРЕНЬ: Нет, спортплощадку можно будет разбить немного в стороне! А здесь мы организуем зону отдыха! Со звуками рожка, как это полагается!

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА: Вы не знаете, случайно, почему здесь привратник с тростью?

ДЕВУШКА, СТАРШАЯ ПО ВОЗРАСТУ: Чтобы командовать: Смирно! Всем построиться! И в случае чего, треснуть тебя по голове!

ВТОРАЯ ДЕВУШКА: *(Бежит, чтобы усесться в одно из кресел, стоящих сбоку. За ней следуют также ребята).* Здесь можно прекрасно посидеть! Осторожно!

Только не все! Там есть еще одно кресло!

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ: *(Хватает второго парня, который уже успел усесться в кресло).* Ты, пересядь в другое кресло; оно такое же!

57.-

ВТОРОЙ ПАРЕНЬ: *(Сопротивляется и старается вывернуться).* Нет! Это место я занял первым! В другое кресло ты пересядь сам! *(Но Первый парень стягивает его с кресла, и они начинают бурно выяснять отношения друг с другом).*

ДЕВУШКА, СТАРШАЯ ГРУППЫ: А, ну-ка, все отсюда, марш! Не хватает только, чтобы вы еще и подрались! Немедленно прекращайте! А то я все расскажу нашей Матушке!

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: *(Увидев, что *** выходит из атриума).* Тссс! А вот и он! Направляется сюда!

*Все ребята в саду, в том числе и Первый Журналист, объявивший о появлении ***, и другой журналист, и четверо приглашенных лиц, завидев ***, одетого во все белое, застывают на своих местах – в самых необычных позах – и глядят на него завороченными глазами.*

*Пьетро и Наташа также замирают на своих местах и сильно переживают, увидев, как плохо выглядит ***.*

Верочка, к этому моменту успевает уже уйти.

**** (Спускается в сад и останавливается среди застывших людей. Смотрит сперва на ребят, после чего на остальных, и, наконец, на Пьетро. И принимается говорить ледяным голосом). Все вы одинаковые... Вылеплены из одного и того же теста... И ты тоже...*

ПЬЕТРО: Нет... просто, я не могу спокойно смотреть на тебя и видеть, как ты...

НАТАША: *(Приближается к *** и говорит ему тихим, но вибрирующим голосом).*

Только не стой на месте! Двигайся! Подойди к ребятам и приласкай их!

Покувыркайся с ними на земле!

ПЬЕТРО: *(Как выше)*. Брось все к чертовой матери! И выкинь прямо здесь, при всех, какой-нибудь сумасшедший номер!

НАТАША: Так, чтобы мурашки у всех пробежали бы по телу.

ПЬЕТРО: После чего – уезжай отсюда вместе с нами! Мы заедем за тобой завтра утром!

*** *(После небольшой паузы, отрывисто)*. Не могу.

НАТАША: Ты что, чего-то боишься?

*** Чего мне бояться?

НАТАША: Боишься покончить со всем этим!

*** Нет, я не боюсь. Это диктуется исключительно соображениями необходимости.

НАТАША: Перед кем? Перед другими? Тебе жалко их? А, как же тогда Верочка?

*** Нет. Это чисто мой вопрос. Жалость здесь ни причем. Просто мне уже все дьявольски надоело. Я должен все хорошенечко обдумать, прежде чем что-то предпринимать.

Из виллы выходит Тито, крайне обеспокоенный.

ТИТО: О, боже, папа... *(Завидев Пьетро и Наташу)*. Как, и вы тоже здесь?!

ПЬЕТРО: Мы уже уходим...

ТИТО: *(Продолжает говорить, но на этот раз обращается к отцу)*. ... Его Высочество только что закончил беседу с Джаффриди и собирается уходить...

*** *(Показывая на Пьетро и Наташу)*. Я вышел только, чтобы попрощаться с ними.

58.-

ТИТО: *(Как выше)*. ... Ты мог бы это сделать и попозже! А сейчас - немедленно возвращайся в зал!

*** *направляется в сторону входа в виллу. Перед входом в виллу оборачивается и поднимает руку, и едва заметным движением руки снова прощается с Пьетро и Наташей, а также, возможно, с той, которой здесь больше нет. Наташа это понимает и говорит ему:*

НАТАША: Ты поступил правильно, попрощавшись также и с ней. Я ей об этом обязательно скажу.

ТИТО: Вы поступаете нехорошо, нехорошо, дорогие мои господа, что стоите перед ним и смотрите на него подобным образом, буквально не сводя с него своих глаз... Я его сын и все понимаю! Я вам это говорю, потому что все понимаю!

НАТАША: Что ты его сын – никто не отрицает. Тебе следует усвоить одну простую вещь - вокруг него будет носиться даже слуга, состоящий у него на службе.

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Что, верно, то верно. Не говоря уже о других... Как никак, а он у всех нас вызывает такое уважение... восхищение...

НАТАША: Именно эти знаки внимания и убивают, в конечном счете, человека. Вот почему, даже очутившись перед неизвестным предметом, убитого таким образом человека, люди отдадут должное этому предмету, То же самое касается и тебя, если в тебе признают его сына, многие останутся перед тобой, чтобы посмотреть на тебя.

Это происходит всегда, когда чья-то жизнь останавливается... или же, когда ее останавливают другие...

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Это является логическим следствием того тяжелого бремени, которое налагает на человека слава. Вот почему он останавливается в своем развитии!

НАТАША: И становится больше не жилец на этом свете.

ТИТО: *(Раздраженно)*. Позволь, но, кто тебе мог сказать такое? Кто тебе это сказал?!

ТРЕТИЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: Насколько мне кажется, он еще жив! Да еще как!

ПЕРВЫЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: Благодаря господу-богу!

ВТОРОЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: Обожаемый в семье и высоко почитаемый во всех уголках нашей страны!

ПЕРВЫЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: Он вознесся столь высоко, что никто уже даже не может дотянуться до него руками!

ТРЕТИЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: Чего еще можно желать большего!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: Простите, а эта вилла его?

ТИТО: Нет. Нет. Она ранее принадлежала одной синьоре, большой поклоннице его таланта...

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: ... Княгине, умершей совсем недавно...

ТИТО: Вы даже представить не можете, какую бы она испытала радость, поскольку она его очень любила, если бы ей довелось присутствовать на этих торжествах...

В прочем, что касается виллы, то она ее завещала духовной семинарии.

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: А, так вот почему здесь столько семинаристов?!

ТИТО: Да, именно поэтому. Однако, она завещала ее с одним условием, а именно, что гимназия будет обязательно носить имя моего отца.

59.-

ВТОРОЙ ЖУРНАЛИСТ: Ходят слухи, что и город, в котором он родился, также выступил с аналогичной инициативой...

ТИТО: Да, да, причем их просьба уже удовлетворена – так что город теперь будет носить его имя.

ТРЕТИЙ ПРИГЛАШЕННЫЙ: А, вот и он, собственной персоной, снова возвращается к нам со своими гостями.

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Верно. Видимо, Князь уже уехал.

****, находится между Джаффриди и Матушкой - Наставницей, в окружении Джованны, Валентины и толпы гостей, из тех, кто остался после отъезда Князя, с отъездом которого торжества практически завершились. Все спускаются в сад, где дневной свет уже плавно перешел в лунный. Время от времени во время последующей сцены периодически будут вспыхивать отдельные фотовспышки, которые надо производить способом отличным от магниевых вспышек, во избежание образования густого дыма на сцене.*

ДЖАФФРЕДИ: Князь, что и говорить, был сама любезность, о чем можно только мечтать!

ДЖОВАННА: Как жаль, что никто из нас не сумел ответить ему, сколько жителей сейчас живет в его городе!

ТИТО: В родном городе папы? Он это спрашивал? Я бы мог ему это ответить сразу!

ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛИСТ: Двадцать пять тысяч.

ТИТО: Если говорить точно: двадцать четыре тысячи шестьсот пятьдесят три.

ДЖОВАННА: *(Недовольно обращается к Валентине).* Нет, ты посмотри на него, а?! Он знал все это и находился здесь! Мы ему сказали, что в свое время в нем жило что-то около восемнадцати тысяч человек.

ВАЛЕНТИНА: Но затем уточнили, что сейчас их там живет гораздо больше...

МАТУШКА-НАСТАВНИЦА: Он также поинтересовался, сколько у нас в заведении учащихся... и я счастлива была ему ответить, что и моя семинария, как и его родной город, считает за честь впредь носить столь славное имя нашего юбиляра. Сестра, *(обращается к одной из монашек),* соберите-ка мне побыстрее ребят: мы покажем их синьору Графу. Только на минутку, чтобы его не очень беспокоить.

Две монашки принимают понемногу собирать девушек и ребят из гимназии, отыскивая их среди гостей.

ТИТО: Папа уже встречался с ними до этого.

МАТУШКА-НАСТАВНИЦА: Я их предупредила заранее, с кем им доведется встречаться.

ДЖОВАННА: Вы, Матушка, могли бы вступить в обладание виллой уже буквально через два-три дня...

МАТУШКА-НАСТАВНИЦА: К чему такая спешка: вы можете оставаться здесь, сколько вам понадобится.

ВАЛЕНТИНА: Мы задержались здесь до сегодняшнего дня в виду торжеств...

60.-

ДЖОВАННА: У нас уже все готово для переезда.

МАТУШКА-НАСТАВНИЦА: Но Княгиня, царство ей небесное, завещала, что Его Высочество может оставаться здесь до тех пор пока пожелает... К тому же нам потребуется уйма времени, чтобы обустроить эту виллу под наши нужды... А вот и наши ребята!

*Монашки строят ребят перед *** в два ряда*

Прекрасно, а теперь, что я вам говорила? Нужно поклониться.

В то время как ребята кланяются, вспыхивает магниева вспышка. Все ребята от неожиданности вздрагивают.

ВАЛЕНТИНА: Бедняжки, испугались вспышки...

ДЖОВАННА: О, да я вижу здесь ребята обеих полов?!

МАТУШКА-НАСТАВНИЦА: Да, синьора Графиня! Из двух отделений. Мужского и женского.

ДЖАФФРЕДИ: *(Обращаясь к ***).* Тебе надо будет сказать им что-нибудь...

ДЖОВАННА: Это было бы очень любезно с твоей стороны...

МАТУШКА-НАСТАВНИЦА: Мы вам будем весьма признательны за это,... я даже не осмелилась бы просить вас о подобном...

ВАЛЕНТИНА: Если ты не сильно утомился...

ДЖАФФРЕДИ: Всего пару слов...

МАТУШКА-НАСТАВНИЦА: Они бы навсегда остались в наших душах, словно высеченные...

ДЖОВАННА: Попробуй, дорогой... Скажи им, всего пару слов!

ТИТО: Прошу тишину! Тише!

Воцаряется тишина.

НАТАША: *(В наступившей тишине, тоном, выражающим глубокое сожаление, словно она все еще не может поверить увиденному и услышанному).* И неужели из-за всего этого... из-за всего этого... стоило оставаться здесь...

ДЖОВАННА: Что она говорит?!

ТИТО: Тише!

*** стоит перед курульным креслом, установленным на мраморной площадке. Все приготовились его внимательно слушать; журналисты запаслись блокнотами, чтобы не упустить ни слова из его речи. Следует еще несколько фотовспышек. После чего наступает абсолютная тишина. Тогда *** принимается говорить отчетливым, но ледящим душу голосом, делая паузы, словно ему стоит нечеловеческих усилий то, чтобы его слова в форме эпитафии могли появиться вытесанными из камня на фасаде виллы, за его спиной, по мере того, как он их произносит.

61.-

**ДЕТСТВО
ЭТО САМАЯ ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА
ИЗ НАШИХ ВОСПОМИНАНИЙ.
ЭТО ТЕНЬ, КОТОРАЯ
ТО ПРИБЛИЖАЕТСЯ К НАМ,
ТО УДАЛЯЕТСЯ ОТ НАС**

Никто не замечает чуда с высеченными словами. Тишина не должна прерываться ни на секунду. Все присутствующие своими лицами, руками и кивками головы выражают свое восхищение и удовлетворение. После слов, произнесенных ***, Джованна и Валентина направляются к семинарским девушкам и ребятам, чтобы увести их вовнутрь виллы, и одновременно приглашают всех вернуться в зал. Тем временем, Тито делает всем знак, чтобы те оставили отца одного в саду на минутку. Пьетро и Наташа удаляются, свернув слева за виллу. Когда все разойдется, *** сядет в курульное кресло. И, начиная с этого момента, при мерцающем свете луны, начнется медленное и одновременное движение фасада виллы, который плавно собирается и удаляется со сцены, и курульного кресла, которое начинает подниматься вверх вместе с ***, сидящим в нем в своей обычной позе, застывшей, и, напоминающей собой статую. Все это протекает в гробовой тишине.

3 A H A B E C